

Александр
Колесник

РОА-

**ВЛАСОВСКАЯ
АРМИЯ**

*Судебное
дело
А.А.Власова*

Александр Колесник

РОА — ВЛАСОВСКАЯ АРМИЯ

**СУДЕБНОЕ ДЕЛО ГЕНЕРАЛА
А. А. ВЛАСОВА**

**ХАРЬКОВ
«ПРОСТОР»
1990**

ББК 63.3(2)722
К 60

Колесник А. Н.

К 60 РОА — власовская армия: Судебное дело генерала А. А. Власова. — Харьков: Простор, 1990. — 78[2]с.

ISBN 5-235-01555-X

Еще Л. Н. Толстой предсказывал, что наступит время документальной литературы. И мы свидетели того, что оно наступило. Устав от чрезмерной идеологизации и мифологизации нашего прошлого и настоящего, сегодняшний читатель предпочитает правду документа. Генерал Власов и власовская армия — что это, оппозиция сталинскому режиму или низкое предательство своего народа? Языком документов на этот вопрос отвечает книга кандидата исторических наук А. Н. Колесника.

К 0503020600—004
078(02)—90 Без объявл.

ББК 63.3(2)722

ISBN 5-235-01555-X

© Колесник А. Н.,
1990 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Стремительно растущий интерес к отечественной истории — примета нашего времени. Чтобы уверенно смотреть в будущее, необходимо серьезно и обстоятельно проанализировать прошлое. И на этом фоне национально-исторического самосознания интерес к личности генерала А. А. Власова и созданной им в фашистской Германии так называемой Русской освободительной армии (РОА) вряд ли покажется неуместным или праздным.

Как случилось, что тысячи наших соотечественников в союзе с гитлеровцами воевали против собственного народа?

После публикаций некоторых моих статей на эту тему в периодике я получил от читателей сотни писем, которые заставили меня обратиться к советским и зарубежным архивам, чтобы на документальной основе ответить на поставленные вопросы. Надеюсь, что моя работа позволит в какой-то мере освободить эту страницу нашей истории от домыслов и неправомерной мифологизации роли власовской армии как идейной оппозиции сталинскому режиму.

Кроме того, я считаю необходимым представить здесь несколько полученных мною писем, отражающих широкий диапазон мнений о Власове и власовцах. Думаю, мои комментарии к письмам излишни — на все вопросы я буду отвечать только языком документов.

Александр Колесник,
кандидат исторических наук

«В газете «Аргументы и факты» (№ 9 за 4—10 марта 1989 года) с особенным интересом ознакомился с материалами беседы корреспондента А. Логинова и кандидата исторических наук А. Колесника.

Хочу высказать свое мнение по сути изложенного в статье-беседе «Под личиной «идейных борцов».

Материал очень ценный, и прежде всего тем, что т. Колесник раскрыл еще одну «деликатную» страницу истории минувшей войны.

О трагическом исходе Любанской операции по фронтам уже тогда поползли всякие слухи и домыслы о Власове, 2-й ударной армии, о том, что Власов «сдал» две армии, что после первой «сдачи» он (Власов) выкрутился перед Сталиным и тот ему продолжал доверять. Имелись в виду 37-я армия, оборонявшая в 1941 году непосредственно Киев, и 2-я ударная армия. В действительности же ни одна из этих армий не была сдана врагу, так как практически никому, даже самому умному и хитрому «командующему» невозможно это осуществить. В наших армиях, прежде всего, были советские люди, были в соединениях и частях партийные организации большевиков, были политотделы, политработники (не говоря уже о широкой сети осведомителей и всяких сексотов в органах особых отделов).

Судьбы упомянутых армий трагичны, особенно 2-й ударной армии. Но обе они (армии), бойцы, командиры и политработники выполнили до конца свой воинский долг перед Отечеством. Другое дело, что трагедия осложнялась не только организованными ударами врага, но и бездействием (невмешательством в события) командарма.

С душевной болью и огромным возмущением воспринимаю мнения отдельных представителей разных поколений о том, что власовцы, РОА и 2-я ударная армия — это одно и то же (да, до последнего времени встречаю таких людей!).

Приходится доводами и разъяснениями разбивать такие утверждения. И, слава богу, отраднo, что в последнее время в печати появляются материалы, защищающие честь и добрую память 2-й ударной армии, показывающие настоящее лицо предателя-подонка Власова и его подручных.

Настоящее мое письмо вызвано необходимостью внести некоторые коррективы в сведения о Малышкине.

Тов. Колесник сообщает, что Малышкин считался до конца 1942 года без вести пропавшим. Я уверен, что это не так.

В начале 1942 года я находился на Северо-За-

падном фронте связистом в одной из стрелковых частей на переднем крае. Выполняя боевые задания, связисты, как правило, находились по 1—2 человека вне подразделений (на линиях связи) и имели возможность поднимать и читать фашистские антисоветские листовки. Ради любопытства и я допускал такой «грех». В феврале — марте 1942 года я неоднократно читал листовки с обращением Русского освободительного комитета к воинам Красной Армии. Под такими «обращениями» всегда была концовка-подпись: «Председатель Русского освободительного комитета генерал-майор Малышкин — гор. Смоленск». (Это было начало, а не конец 42-го.)

Так зачем же лишних более чем полгода числить предателя в списках в большинстве своем честных и невинных без вести пропавших? Это, думаю, незаслуженная «льгота» для подлеца-власовца Малышкина.

Неужели известные «органы», следившие и каравшие честных воинов за чтение крамольных немецких листовок, сами их не читали и не информировали начальство о том, что Малышкин «воюет» в оккупированном Смоленске? Сомневаюсь.

Запомнил эту фамилию потому, что она в листовках с призывами вступать в РОА повторялась и летом 1943 года, но уже после фамилии Власова.

Справка: сам я ни в 37-й армии, ни во 2-й ударной армии не служил. С 1941-го по 1945 год находился на фронте. Всю войну боялся (ох, как боялся!) пропасть без вести. Этот страшный удел постиг многих батальонных и ротных связистов.

С уважением. **Ветеран войны и труда**
Е. П. Машкевич,
г. Киев».

«Раскрытием белых пятен нашей истории пока оперативно занимаются в основном публицисты и писатели, которые из-за недоступности архивов и соблазна не упустить сенсацию нередко допускают публикацию неточных или спорных фактов. Поэтому большой интерес представляют пока

редкие публикации профессиональных историков, имеющих доступ к некоторым архивным фондам, например, ряд интересных интервью с кандидатом исторических наук А. Колесником в бюллетене «АиФ». Одно из них («АиФ» № 9, 1989) содержит сведения о Русской освободительной армии (РОА) и Комитете освобождения народов России (КОНР), возглавлявшихся перешедшим на сторону фашистской Германии изменником Власовым.

История РОА и КОНРа остается засекреченным белым пятном в истории Великой Отечественной войны. Не исследованы такие непростые вопросы, как, например: почему Гитлер не решился втянуть РОА в непосредственные бои с Советской Армией, каковы обстоятельства выхода РОА из подчинения немцам и ее роль в развитии пражского освободительного восстания в мае 1945 года, какова «идейная платформа» КОНРа и ее отношения с русской эмиграцией, а также какую роль сыграли самодурство, кровожадность и иезуитство Сталина в решении оказавшихся в плену командиров и бойцов вступить в РОА и почему были строго засекречены материалы следствия и суда над реальными изменниками, в то время как известные фальсифицированные процессы над «врагами народа» в предвоенные годы широко освещались в печати?

Исторические труды недавнего прошлого, классическими образцами которых, кроме «Краткого курса истории ВКП (б)», можно назвать брошюры «Сталин и Красная Армия» и «К истории большевистских организаций в Закавказье», которые отличались методом подтасовки и даже выдумывания фактов...

Следует считать недопустимым использование этого метода в наше время. Выводить белые пятна надо только с помощью достоверных фактов и доказательств. В этом свете нельзя обойти отдельные моменты из интервью А. Колесника, в котором он анализирует личности Власова и Жиленкова. Не будучи компетентным в отношении Власова, остановлюсь на некоторых искажениях, допущенных при анализе личности Жиленкова, которого мне приходилось видеть до войны, когда он был первым секретарем Ростокинского РК

ВКП (б), часто встречаться с ним в июле 1941 года, когда формировалась Ростокинская дивизия народного ополчения, я также встречал его на фронте, когда он приезжал в нашу дивизию как член Военного совета 32-й армии, состоявшей из пяти ополченческих дивизий. Кроме того, хорошо знаком с людьми, близко знавшими Жиленкова.

Удивление вызывает такое заявление А. Колесника: «Осенью 1941 года Жиленков — член Военного совета 32-й армии. Довольно странное назначение, к которому явно причастен начальник политуправления РККА Л. Мехлис. Ведь комиссия во главе с дивизионным комиссаром А. Лобовым и секретарем МГК ВКП(б) Павловым рекомендовала Жиленкова лишь на должность военного комиссара автомобильного батальона».

Назначение первого секретаря райкома в конце июля (а не осенью) 1941 года членом Военного совета 32-й армии не следует считать странным. Странной может показаться его аттестация на должность военкома автобата. К сожалению, А. Колесник не приводит в данном случае дату цитируемого документа (что аккуратно делает при других цитатах). Поэтому можно лишь предположить, что цитируется старая аттестация, когда Жиленков занимал более скромный пост. Тем более что в 1940 году институт военкомов был заменен должностью замполита.

Кроме того, известно, что весь политсостав дивизий народного ополчения подбирался и утверждался МГК и РК ВКП(б) без привлечения НКО из числа коммунистов, не подлежавших призыву через РВК согласно мобплану. По единодушному мнению тех, кто близко знал Жиленкова, он вообще никогда не встречался с Мехлисом. Зато его очень хорошо знал по работе, а также и по охоте секретарь ЦК МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков, и именно он, а не Мехлис, явно причастен к этому «странному» назначению.

Вступая в полемику с неназванным оппонентом, А. Колесник заявляет: «...утверждения о его (Жиленкова) антисталинской позиции не имеют под собой оснований...», так как он якобы писал в автобиографии в 1940 году: «...в оппозициях

не участвовал, колебаний и отклонений от линии партии не имел».

Неубедительность этого доказательства очевидна даже для наивных людей, как, кстати, нельзя считать доказательством обратного тот факт, что после измены Жиленкова нашлись бдительные деятели, обвинявшие некоторых коммунистов в потере бдительности, и приводили «факты», что Жиленков еще на «Калибре» выгораживал впоследствии разоблаченных врагов, закрывался с ними в кабинете и даже скрывал свое социальное происхождение. Для доказательства нужно привлекать документы.

В заключение хочется отметить, что интервью «АиФ» с Колесником и другими специалистами, имеющими доступ к архивам, интересны и полезны, а критические замечания прошу считать дружеским советом, направленным на повышение качества дальнейших публикаций.

**Рудельсон Е. Л., полковник в отставке,
член КПСС с 1940 года, г. Москва»**

«Прочитав статью в нашей газете от 4—10 марта 1989 года № 9 (438) под заголовком «Под личиной «идейных борцов» об изменнике Родины А. Власове, хочу сообщить следующее: об этом неуклюжем человеке уже дважды писала газета «Известия» и журнал «Огонек», и всю дорогу вранье, в том числе и вашему корреспонденту А. Логинову майор А. Колесник сказал о Власове в основном неправду. Правдивы только сведения, взятые из личного дела Власова; а то, что Власов якобы «никаких армий гитлеровцам не сдавал и 11 июля 1942 года сам лично сдался в плен», — это сущее вранье. Мне непонятно, как люди с большими титулами не знают дела, а врут...

В начале войны Власов преднамеренно создал обстановку, чтобы немцы окружили его армию и взяли в плен; а сам Власов как бы сбежал, прибыл в Москву, в Ставку Главнокомандующего, оправдался перед Сталиным и попросил его назначить снова командующим армии, чтобы кровью ис-

купить якобы свою вину. Весной 1942 года Власов прибыл на Волховский фронт на должность командующего 2-й ударной армией. Лично я в это время нес службу в 225-й стрелковой дивизии, на левом фланге 2-й ударной армии, в должности военного следователя военной прокуратуры. До наступления 2-ю армию укомплектовали кадровыми офицерами, сержантами и солдатами. Туда же был переведен наш прокурор — капитан Козачкин. Видимо, по договоренности Власова с фашистами немцы не стали оказывать никакого сопротивления, когда 2-я ударная армия пошла в наступление. Они раздвинули свои фланги, когда наша армия углубилась в Синявинские болота. В это время наша печать много писала о соединении Волховского фронта с Ленинградским, но немцы быстро перерезали доступ нашим войскам, и таким образом вся 2-я ударная армия оказалась в окружении. Через несколько дней немцы сбросили с самолетов множество листовок размером в один лист вашей газеты, в которых был портрет Власова во весь рост, а внизу подпись: «Председатель русско-немецкого фронта», и дальше шли призывы к комиссарам, командирам, сержантам и солдатам переходить к немцам с гарантией жизни.

В марте 1943 года меня с Волховского фронта отозвали в Главную военную прокуратуру в Москву, затем я был направлен в 25-й танковый корпус в прежней должности военного следователя. В июне или июле 1943 года наш корпус совершил прорыв на Орловско-Курской дуге, где мы встретились с власовской армией, которая вместе с немцами оказывала нам сильное сопротивление.

В первых числах мая 1945 года наш 25-й танковый корпус вместе с другими частями штурмом брал логово фашизма — г. Берлин, а когда Берлин пал, наш корпус был направлен в Чехословакию освобождать Прагу. В предместье г. Праги нам сдались в плен 60 тысяч власовцев, которые перебили немцев и сложили оружие к нашему приходу. Об этом наша печать не сообщала. Власов с большой группой ярых изменников подался в сторону американских войск.

После объявления победы 9 мая 1945 года од-

на фашистская армия не подчинилась ультиматуму и несколько дней продолжала сопротивление, но вскоре была полностью уничтожена нашими войсками. Примерно в 20—30-х числах мая 1945 года, когда война уже кончилась, командир мотострелкового батальона 162-й танковой бригады нашего 25-го танкового корпуса гвардии капитан т. Якушев совместно со своим ординарцем, 15-летним мальчишкой Колей, и своим шофером в воскресенье поехали в расположение американской армии, откуда похитили Власова. Выдал Власова его личный шофер. После того как Власов был доставлен в штаб 162-й бригады, в корпус последовала шифровка: взят Власов. В бригаду сразу же выехало командование корпуса, работники прокуратуры, трибунала и контрразведки. Из штаба бригады Власова доставили в штаб корпуса, где Власов ночевал одну ночь, а на следующий день в расположение корпуса прибыло минимум 10—15 легковых автомашин из штаба оккупационных войск, и Власова увезли. Носил ли Власов фашистский мундир, я не знаю, но, когда его доставили в наш корпус, на Власове была одежда русского офицера. На заданный вопрос: «Чем вы докажете, что вы генерал Власов?», он вынул из кармана старое, в хаотическом виде, наше русское удостоверение офицера. На следующие вопросы Власов отвечал, что, «если мне сохранят жизнь, я напишу о немецкой армии правдивую книгу».

За поимку Власова были награждены командир 25-го танкового корпуса генерал-майор, Герой Советского Союза тов. Фоминых и много других офицеров, в том числе был награжден капитан Якушев, его ординарец, шофер и личный шофер Власова за то, что он сдал своего начальника Якушеву.

Все мы полагали, что после Нюрнбергского процесса будет открытый суд над Власовым и другими изменниками, но таковой не состоялся, а уже в 1946 году в газете «Правда» было сообщение, что Власов и другие изменники Родины приговорены к смертной казни и приговор приведен к исполнению.

**Алексеев Н. А., Опочецкий р-н,
п/о Есенники, дер. Куденково»**

РОА — ТОЛЬКО ФАКТЫ

Прежде чем перейти непосредственно к РОА, хочу напомнить читателю краткую историю вопроса.

Андрей Андреевич Власов был кадровым офицером Красной Армии, с которой связал свою судьбу в 1920 году. До 1941 года он прошел всю иерархию армейских должностей и званий, встретив войну генералом и командиром 4-го механизированного корпуса. Воевал на западной границе, командовал армиями при обороне Киева и под Москвой. В плен к немцам попал 11 июля 1942 года, будучи заместителем командующего Волховским фронтом и временно исполняющим обязанности командующего 2-й ударной армией. Из солдат и офицеров этой армии в живых остались чуть более 9 тысяч человек; погибли и пропали без вести 60 тысяч человек.

В первые же дни своего пребывания в лагере военнопленных Власов изъявил желание сотрудничать с немцами. 3 августа 1942 года он обратился с письмом к Гитлеру, в котором предложил создать Русскую освободительную армию из числа советских военнопленных и русских эмигрантов. «Чтобы добиться победы над Советским Союзом, — говорил Власов, — нужно ввести в бой против Красной Армии военнопленных. Ничто не подействует на красноармейцев так сильно, как выступление русских соединений на стороне немецких войск...».

Вскоре Власова перевели в берлинский лагерь военнопленных, где был создан Русский комитет, в который вошли А. А. Власов (председатель), В. Ф. Малышкин (секретарь) и члены Жиленков и Зыков.

27 декабря 1942 года Русский комитет объявил о создании Русской освободительной армии (РОА). Однако это заявление было не более чем декларацией. Создание такой армии не получило одобрения Гитлера, о чем сам Власов впоследствии на допросах свидетельствовал: «До 1944 года немцы все делали только сами, а нас

использовали лишь как выгодную для них вывеску...»

Только 14 ноября 1944 года было проведено организационное собрание вновь учрежденного Комитета освобождения народов России (КОНР), фактически начато формирование РОА и ее участие как боевой единицы в военных действиях против Красной Армии.

Советским органам СМЕРШа Власов был выдан в 1945 году его же соратниками, которые таким способом купили себе возможность уйти на Запад.

* * *

Итак, РОА была создана в ноябре 1944 года. В 1945 году усиленными темпами было продолжено укрепление военной структуры РОА, формирование дивизий и частей центрального подчинения. Власов по этому поводу скажет впоследствии:

«...Гиммлер, стремясь использовать советских военнопленных в борьбе с Красной Армией и видя в этом известный выход из тяжелого положения, в котором очутилась Германия, стал настоятельно требовать от меня ускорения формирования частей Русской освободительной армии и в этих целях представил нам в декабре 1944 года военные лагеря в Мюнзенгене и Хойберге.

В связи с этим мне удалось сформировать две дивизии. В Мюнзенгене формировались первая дивизия, насчитывавшая до 20 000 человек, и офицерская школа — до 1000 человек.

В Хойберге формировалась вторая дивизия, которая имела численность до 12 000 человек.

В этих же лагерях было размещено несколько строительных батальонов и одна запасная бригада общей численностью до 5000 человек.

Первую дивизию к концу войны удалось вооружить 100 орудиями, 12 танками Т-34, винтовками и автоматами».

Всего планировалось создать 10 дивизий РОА, объединив их в корпуса. Но эти планы во многом остались на бумаге.

Командиром 1-й дивизии был назначен С. К. Буняченко, бывший командир 59-й стрелковой бригады Красной Армии, полковник, 1902 года рождения, член ВКП(б) с 1919 года. Должность начальника штаба дивизии занял подполковник Н. П. Николаев, окончивший академию имени Фрунзе в Москве. Для формирования

дивизии полковник Буняченко принял под свое командование личный состав русской добровольческой бригады, созданной в районе города Локоть (Белоруссия) в 1941 году Каминским, русские добровольческие батальоны — 308-й, 601-й, 605-й, 618-й, 621-й, 628-й, 654-й, 663-й, 668-й, 675-й, 681-й, артиллерийские дивизионы — 582-й и 752-й, а также ряд других подразделений, входивших до этого в состав германских вооруженных сил.

В декабре 1944 года личный состав 1-й дивизии РОА насчитывал 13 000 бойцов и офицеров, а в начале марта 1945 года, на марше к фронту, он увеличился до 20 000 человек за счет присоединившихся к дивизии нескольких подразделений и частей русских добровольцев.

Дивизия состояла из четырех стрелковых полков, командиры: полковник Сахаров, подполковники Архипов, Артемьев, Александров-Рыбцов; командир артиллерийского полка подполковник Максимов и командир полка снабжения подполковник Герасимчук.

Касаясь боевых качеств 1-й дивизии РОА, Хофман пишет: «Если 1-ю дивизию РОА, в общем и целом, можно считать дисциплинированным, боеспособным и надежным соединением, то, конечно, с определенной оговоркой: она была надежной лишь в смысле русского освободительного движения, но не как послушный инструмент в руках немецкого руководства».

А вот что показал сам Буняченко: «Тринадцатого апреля по приказу Власова я выделил по одному батальону из второго и третьего пехотных полков, противотанковый дивизион и артиллерийский полк для участия в боевых операциях против Красной Армии. Эти части дивизии по приказу немецкого штаба вели бои с Красной Армией на реке Одер».

Здесь я хочу прерваться и охарактеризовать некоторые подразделения РОА, к примеру, бывшую бригаду Каминского, тем более что об этом спрашивает в своем письме П. М. Хлобдетов из г. Тулы.

В западной литературе об этом говорится, что в восточной части Брянских лесов, в районах вокруг городка Локоть, в 1941 году возникла так называемая «Локотская республика». Немцы, заняв эти районы, позволили их жителям установить самоуправление. Оставив нескольких своих офицеров для связи, обложив население налогом, дав ему оружие и боеприпасы, немцы фактически оставили эти районы на произвол судьбы. Под руководством сначала инженера Воскобойникова,

а после его смерти — инженера Каминского «Локотская республика» зажила самостоятельной жизнью. Местные органы власти провели земельную реформу, создали сеть школ, наладили выпуск газет, организовали административно-управленческие и судебные инстанции; а также силы самообороны из прекрасно обученных, хорошо вооруженных солдат и офицеров численностью 12 000 человек. Жизнь в «Локотской республике» забила ключом. Появился достаток — обилие продовольствия, товаров широкого потребления, производимых частными предприятиями, повсеместно началось строительство жилых домов, была создана сеть внутреннего пассажирского и грузового транспорта.

Действующие в Брянских лесах партизанские отряды получили из центра указание занять оставленные немцами места. Борьба «армии Каминского», как назывались силы самообороны «Локотской республики», с партизанами кончилась очень быстро — большинство партизан с оружием перешло на сторону «Локотской республики».

Весной 1942 года немцы легализовали ее положение, официально признав за «Локотской республикой» большие суверенные права. Как этими правами пользовался Каминский, свидетельствует такой инцидент. Летом 1943 года два немецких военнослужащих, ограбившие одиноко стоящую мельницу и убившие ее хозяина, были пойманы локотской полицией. Суд «Локотской республики» вынес им смертный приговор. Несмотря на протесты высшего немецкого командования, приговор был приведен в исполнение в Локоте на площади, на глазах у многотысячной толпы.

Когда фронт в 1944 году докатился до Локотя, большая часть населения «Локотской республики» ушла с немцами на запад. За проявление неповиновения немецкому командованию Каминский поплатился жизнью. Он был убит немцами, когда его «армия», отступавшая вместе с германскими вооруженными силами, находилась на территории Польши.

Недавно в эмигрантском альманахе «Вече», издающемся в ФРГ на русском языке, были опубликованы материалы о власовцах, где «бригада Каминского» представлена чуть ли не в качестве народных мстителей. Однако это противоречит тому, что показали о ней и сам командир дивизии, и его подчиненные. Дадим им слово. Вот что засвидетельствовал С. К. Буняченко:

«Первая дивизия РОА была отборной. В ее состав полностью вошла эсэсовская бригада, которой раньше командовал Каминский.

Бригада Каминского состояла в большинстве своем из людей, принимавших активное участие в борьбе с партизанами на оккупированной территории Советского Союза и подавлении Варшавского восстания летом 1944 года».

Другой свидетель, В. Т. Жуковский, один из командиров полка РОА, участвовавший в свое время в инспектировании бригады, записал: «После посещения нами этой бригады мы составили акт о ее боевой готовности, где было также указано, что солдаты этой бригады являются морально разложившимися и занимаются бандитизмом и грабежом. Что у всех солдат при себе имеется большое количество золотых вещей, награбленных у мирных жителей.

После ознакомления с нашим актом Власов приказал включить их... в дивизию».

Одновременно с формированием 1-й дивизии в двухмесячный срок были сформированы отдельная противотанковая бригада РОА в составе 1100 бойцов и 140 офицеров и запасная бригада РОА под командованием полковника С. Т. Койды, насчитывавшая 7000 человек личного состава.

В ноябре 1944 года приняла первых курсантов офицерская школа РОА, начальником которой был назначен генерал-майор М. А. Меандров. Преподавательский состав школы состоял из 62 офицеров — из них 6 полковников, 5 подполковников и 4 майора. Школа успела провести 2 ускоренных курса, на которых прошли переподготовку 244 офицера РОА, 3-й курс, насчитывавший 605 офицеров, до апреля 1945 года, то есть до конца войны, закончен не был.

6 марта 1945 года 1-я дивизия РОА покинула город Мюнзенген на юге Германии, где она была расквартирована, и в походном порядке двинулась на восток. 26 марта дивизия прибыла в город Люберозе вблизи Одерского фронта, где вскоре произошло ее боевое крещение.

Командир 1-й дивизии РОА, недавно произведенный в чин генерал-майора Буняченко, получил приказ вышестоящего немецкого командования, которому он обязан был подчиняться в оперативном плане, — выбить советские части из хорошо укрепленных предместных позиций на левом берегу Одера.

На рассвете 13 апреля вслед за мощной артподготовкой дивизия Буняченко в составе двух полков пошла в наступление. После первоначального успеха наступление захлебнулось на сильно укрепленных подступах к советским позициям. Убедившись в невозможности взять имевшимся в его распоряжении силами эти позиции и во избежание бессмысленных потерь, генерал Буняченко дал приказ к отходу. Хофман отмечает, что, несмотря на безуспешность наступления 1-й дивизии РОА на Одере, это была последняя наступательная операция против Красной Армии на советско-германской войне, зарегистрированная немецкими военными историками.

Генерал-майор Буняченко отказался выполнить требование немецкого командования, приказавшего 1-й дивизии РОА занять отведенный для нее участок обороны на Одере, и принял решение, отвечающее известному только ему секретному плану руководства КОНРа. Это был план, принятый на последнем заседании президиума КОНРа 28 марта 1945 года в Карлсбаде.

17 января 1945 года было начато формирование 2-й дивизии РОА. Ее командиром был назначен Григорий Александрович Зверев, 1900 года рождения, уроженец города Ворошиловска, бывший член ВКП(б) с 1926 года, в РККА был с 1919 года, бывший полковник, командир 359-й стрелковой дивизии, сдавшийся в плен к немцам и пошедший к ним в услужение.

До назначения командиром дивизии Г. А. Зверев был инспектором РОА. Вот что о нем показал власовец М. В. Богданов: «Зверев первый раз ездил проверять работу пропагандистов в лагерь военнопленных в районе города Ганновера. Отличился на этой работе и заслужил доверие у немцев, в связи с чем в апреле 1944 года был направлен во главе группы пропагандистов РОА во Францию для активизации антисоветской работы в лагерях военнопленных и среди русских добровольческих формирований».

Во Франции Зверев пробыл около двух месяцев, выполнил порученное задание и затем в ноябре 1944 года был послан в командировку в Норвегию... с заданием вербовать военнопленных офицеров Красной Армии на службу в РОА.

Это задание Зверев выполнил, завербовав в РОА значительное количество офицеров Красной Армии».

Начальником штаба дивизии у Г. А. Зверева был назначен полковник А. С. Богданов.

12 февраля 1945 года под командованием генерал-майора М. М. Шаповалова, бывшего командира 320-й стрелковой дивизии Красной Армии, началось формирование 3-й дивизии РОА.

Тогда же приказом А. А. Власова звание генерал-майора было присвоено Боярскому, Буняченко, Мальцеву и Меандрову.

Привлечены были в РОА и бывшие царские офицеры-эмигранты, среди которых особо выделялись полковники Кромиади, Архипов, Сахаров.

Под руководством Сахарова был создан особый отряд, который на советско-германском фронте активно участвовал в боях с частями Красной Армии, за что получил благодарность Гимmlера.

Об этом отряде Трухин показал: «В первых числах февраля 1945 года по указанию Власова из его личной охраны и слушателей-пропагандистов в Дабендорфе была организована танково-истребительная группа, которая под командованием белоэмигранта Сахарова вела бои против Красной Армии севернее города Кюстрин».

К РОА примкнули также белые генералы Архангельский, Драгомиров, фон Лямпе, Татаркин, Балабин, Науменко и ряд других. Известный русский военный историк генерал Головин разработал, незадолго до своей смерти, устав внутренней службы РОА.

В конце зимы 1944/45 года — через 4 месяца после начала формирования 1-й дивизии — Русская освободительная армия насчитывала примерно 50 000 солдат и офицеров, входивших в личный состав уже сформированных 1-й и 2-й дивизий, формирующейся 3-й дивизии, противотанковой и запасной стрелковых бригад, всех учреждений главного командования РОА (из числа 50 000 в состав военно-воздушных сил РОА входило 5000 человек).

Специальные органы РОА планировалось применять в разведдеятельности и диверсиях против Красной Армии, а также СССР. Сам А. А. Власов об этом сказал: «Должен признать, что после создания мною в ноябре 1944 года по указанию Гимmlера Комитета освобождения народов России СД предложило мне организовать подготовку и засылку диверсантов в тыл советских войск.

6 декабря 1944 года, вместе с постоянным представителем Гимmlера при мне оберфюрером СС Крегером, ко мне явился штурмбаннфюрер СС Радецкий, который заявил, что ему руководством СД поручено договориться со мной о совместном налаживании диверсионной деятельности на советской территории.

...Я заявил Радецкому, что надо готовить тысячи таких агентов, которые могли бы после переброски в СССР стать руководителями повстанческих отрядов, наносящих удары Красной Армии с тыла».

По указанию Власова был создан отдел безопасности, занимавшийся разведывательной и контрразведывательной работой, начальником которого являлся Калугин, а с декабря 1944 года — член Комитета освобождения народов России Тензеров.

Допрошенный в ходе следствия в качестве свидетеля бывшего начальника разведшколы КОНРа Г. Б. Скунгаревский показал:

«...Немцы предоставляли отделу безопасности КОНРа возможность самостоятельно проводить всю работу в частях РОА и готовить агентуру для заброски в тыл Советского Союза... Материальные расходы, связанные с подготовкой и переброской агентуры в Советский Союз, СД брало на себя.

...Власов не только был осведомлен о деятельности разведывательной школы, но непосредственно ею руководил и направлял ее работу...»

Трухин по этому же вопросу показал:

«...В январе 1945 года майор Тензеров с санкции Малышкина ездил в Восточную Пруссию в один из германских разведывательных органов, занимавшийся подготовкой и переброской агентуры в тыл Красной Армии, с тем чтобы, установив непосредственную связь с этим органом, воспользоваться его услугами для переброски в Советский Союз своей агентуры.

Кроме того, с самого начала организации Комитета освобождения народов России начальник отдела безопасности Калугин, а затем Тензеров, по указанию Власова, принимали меры к организации с помощью немцев разведшколы для подготовки агентуры...»

В целях подготовки шпионско-диверсионной агентуры для заброски в тыл Красной Армии в 1944—1945 годах Комитетом освобождения народов России под непосредственным руководством германской разведки были сформированы две разведывательные школы, кото-

рые, помимо разведчиков, готовили также кадры, предназначенные для повстанческой деятельности на территории СССР.

Дело руководства разведывательными школами и непосредственной подготовки разведывательных и повстанческих кадров Власовым по указанию немцев было возложено на Малышкина, Трухина и начальника отдела безопасности КОНРа Калугина.

Признав свою руководящую роль в подготовке шпионско-повстанческих кадров, Трухин на допросе за-свидетельствовал:

«...В декабре 1944 года отделу безопасности удалось договориться с германским командованием о предоставлении комитету разведшколы, где бы могли готовиться наши разведчики.

В начале января 1945 года в окрестностях города Мариенбада отделом безопасности с помощью германской разведки была организована разведшкола, где обучалось до 50 человек.

...Разведшкола в Мариенбаде в основном готовила организаторов повстанческого движения в тылу Красной Армии. Наряду с этим из них готовили также шпионов и диверсантов.

...В марте 1945 года в районе Братиславы (Чехословакия) мною была организована школа подготовки разведчиков для разведотдела штаба РОА, которых предполагалось перебрасывать в тыл Красной Армии с целью сбора шпионских сведений, организации диверсий и повстанческой деятельности в прифронтовой полосе...»

Первый выпуск в разведшколе КОНРа агентов для заброски в Советский Союз был произведен в начале апреля 1945 года, куда выезжали Власов, Жиленков и командующий авиацией РОА Мальцев, который рассказал следующее:

«...Числа 10—12 апреля 1945 года ко мне в Мариенбад из Карлсбада прибыли Власов и Жиленков. Они предложили поехать вместе с ними на выпуск агентов, окончивших разведшколу КОНРа, размещавшуюся в лесу в 7 километрах от Мариенбада...

В школе Власов произнес речь. Он заверил, что окончившим школу предстоит выполнение специальных заданий в советском тылу, сопряженных с большими трудностями. Подчеркивая сложность их предстоящей работы и необходимость проявить в связи с этим на-

стойчивость и выдержку, он призывал агентов твердо верить в победу РОА...»

Допрошенный по делу в качестве свидетеля адъютант Власова Хитров показал, что в апреле 1945 года Власов поручил ему доставить в Прагу агентов, окончивших Мариенбадскую разведшколу, откуда они германским разведывательным органом «Цеппелин» должны были самолетами забрасываться на территорию Советского Союза. Однако осуществить намеченную переброску Хитрову не удалось ввиду разгрома германских вооруженных сил.

Кроме разведывательной деятельности, отдел безопасности КОНРа занимался контрразведывательной работой. Через сеть имевшейся агентуры отдел безопасности выявлял в частях РОА просоветски настроенных лиц и подвергал их репрессиям.

Контрразведывательную работу проводили также созданный Трухиным разведотдел штаба РОА и существовавшие в дивизиях РОА контрразведывательные отделы. При этом лица, заподозренные в деятельности против немцев и власовцев, арестовывались, подвергались избиениям и расстреливались.

Об этом Мальцев показал: «...Примерно 15 апреля 1945 года, накануне нашей эвакуации из Мариенбада, заместитель Карпова — Тухольников мне доложил, что в отделе безопасности содержатся 18 арестованных, судьбу которых необходимо решить. Большинство арестованных обвинялось в деятельности против Власова, однако дела следствием были закончены лишь в отношении шести...»

Тухольников представил мне список всех арестованных и предложил шесть из них, на которых были закончены дела, расстрелять. Я этот список представил Власову... Власов распорядился намеченных шесть человек расстрелять...»

Об арестах и издевательствах над лицами, заподозренными в антифашистской деятельности, показал также командир 1-й дивизии РОА Буняченко: «...Я как командир дивизии принимал меры, чтобы не допускать проникновения в ее ряды советских разведчиков, могущих разложить дивизию, а также чтобы пресечь влияние людей, высказывающих симпатии к Советской власти, для чего, по указанию Власова, я создал в дивизии контрразведывательный аппарат.

...Контрразведывательный аппарат... через свою аген-

туру выявлял лиц, высказывающих недовольство немцами и симпатии по отношению к Советской власти. Эти лица по моему приказанию привлекались к ответственности.

10 апреля 1945 года была арестована группа в количестве 10 человек, возглавляемая майором Погронским, которая готовилась к переходу на сторону Красной Армии. Во время допроса начальник контрразведки дивизии Ольховин подвергал Погронского избиению...»

Аресты и расстрелы лиц, отказывавшихся от службы в РОА, продолжались и после капитуляции Германии.

Имея цель продолжать борьбу против СССР, руководители РОА принуждали свои воинские части переходить на сторону американских войск, а по отношению к отказывавшимся от такого перехода лицам применялись репрессии.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заместитель командира запасной бригады РОА Скунгаревский показал: «...Значительная часть рядового и офицерского состава, привлеченная на службу в РОА путем обмана и провокаций со стороны Власова и его сподвижников, не желала перехода на сторону американцев и не имела намерений продолжать борьбу против Советского Союза.

Для того чтобы уменьшить количество перебежчиков на сторону Красной Армии, командование РОА приняло ряд мер пропагандистского и карательного характера.

...Были мобилизованы все силы контрразведки РОА и полевой жандармерии, которые на марше беспрестанно преследовали уклонявшихся от движения в колонне. Отставшие подвергались избиениям и возвращались в свои подразделения, а некоторые из них арестовывались.

...Имевший намерение перейти на сторону советских войск начальник снабжения 2-й дивизии РОА капитан Владимирский был арестован контрразведкой и расстрелян...»

ВЛАСОВЦЫ В ПЛАНАХ ГИТЛЕРА

А. А. Власов много раз добивался приема у Гитлера, но тот так никогда его и не принял. Отношение Гитлера в 1943 году к А. А. Власову и РОА очень хорошо видно из ниже приведенного документа.

Летом 1943 года проблема РОА заинтересовала Гитлера, он специально рассмотрел ее, но надежд Власовцев не оправдал. Если обратиться к стенограмме совещания в горной резиденции Гитлера 3 июня 1943 года на котором присутствовали генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал-лейтенант Шмундт, генерал Цейтлер и полковник Шерф, очень многое становится ясным, и прежде всего несостоятельность утверждений о якобы данных немцами гарантиях создания РОА как самостоятельной боеспособной армии для освобождения России, а также возможности образования нового русского государства на территории СССР, о чем твердил в выступлениях Власов.

Совещание началось в 21 час 45 минут и закончилось глубокой ночью.

«Кейтель. Вопрос об отношении к пленным, добровольцам из пленных и батальонам из местных жителей на востоке представляется мне в данный момент в следующем виде.

Генерал Цейтлер может меня поправить, если высказываемые мной положения неверны.

Вся пропаганда Власова, которую он развернул, так сказать, самодельным порядком, послужила основой для нынешней капитальной пропаганды, проводимой под условным наименованием «серебряный лампас» и рассчитанной на привлечение перебежчиков.

С этой целью были выпущены листовки, содержание которых мы тогда согласовали с рейхсминистром Розенбергом, министром по делам Востока. Они были обсуждены с ним по каждому отдельному слову, он их одо-

брил и санкционировал. И тогда, с начала мая, можно сказать, развернулась широкая тотальная кампания.

Цейтлер. Часть листовок содержит вопрос о личном обращении. Это основная масса.

Кейтель. Мы в них с целью пропаганды обещаем, что, если они перейдут к нам, они встретят у нас особое обращение. Это говорится в изложении приказа №13, который использован для одной из листовок.

Фюрер. Листовку я видел.

Кейтель. Отдано распоряжение, чтобы перебежчики направлялись в специальные лагеря.

Фюрер. Это все правильно.

Кейтель. И чтобы в дальнейшем они могли вызваться добровольно на роли — прежде всего обыкновенных рабочих, во-вторых, добровольных помощников на оборонных работах и, в-третьих, при соответствующих обстоятельствах для зачисления в туземные соединения.

Фюрер. Этого мы в листовках не имеем в виду.

Цейтлер. Нет, в листовке в приказе №13 этого нет.

Кейтель. Это сказано позднее.

После некоторого определенного времени они должны быть переведены на соответствующие роли. Об этом сделал распоряжение командующий восточными вооруженными силами, на этот счет я осведомлялся. Если они в течение определенного испытательного периода хорошо зарекомендуют себя, они могут просить об использовании их в соответствующей роли как в качестве добровольных помощников, так и для зачисления в туземные соединения.

Эта широкая пропаганда опирается на листовки, которые подписываются «национальным» или «национально-русским комитетом». В этих листовках мы им говорим: с вами будут хорошо обращаться, вы получите хорошее питание, вы получите работу, а также, помимо этого, в листовках содержится призыв: переходите к нам, у нас вы можете вступить в русскую национальную освободительную армию.

Фюрер. Это следовало раньше доложить мне.

Кейтель. Этот пункт играл важную роль.

Фюрер. Из всего этого я усматриваю сегодня только одно, и это является для меня решающим, — необходимо избегать такого положения, когда у нас самих могли бы создаться ложные представления. Необходимо различать право пропаганды, которую я направляю

на ту сторону, и то, что в конечном счете мы делаем на самом деле.

Кейтель. Что мы делаем позади нашего фронта?

Фюрер. Не следует допускать даже малейшей мысли насчет того, что мы хотели бы найти, скажем, компромиссное решение.

В этом смысле мы имели трагический урок уже в первую мировую войну в отношении Польши — я недавно уже указывал на это, где имело место аналогичное обстоятельство благодаря обходному маневру появившихся тогда на сцене польских легионеров, вначале имеющих совершенно безобидный характер. Но внезапно события сгустились. В этом надо себе ясно отдавать отчет.

Я всегда считал, что очень мало есть людей, которые в критические моменты способны сохранять полное хладнокровие и не создавать себе никаких иллюзий. Поговорка, что утопающий хватается за соломинку, к сожалению, остается верной. Она сохраняет силу не только для утопающего, но и для всякого другого человека, находящегося в опасности. Большинство людей, сталкивающихся с опасностью, видят вещи не так, как они есть в действительности.

Я мог бы сослаться на документы, которые я в свое время получил от Борндта в тот момент, когда последовало отступление, когда неожиданно реальная почва была утеряна и вместо этого возникла иллюзия, — именно, тотчас после высадки англо-американцев в Северной Африке* Теперь же наши дела обстоят там вполне благополучно, теперь мы должны там наступать. Явное безумие, против которого мне пришлось тогда выдержать такую борьбу, но которое внезапно охватило людей и затуманило их рассудок, до того совершенно ясный и трезвый. В этом одном я усматриваю опасность, если у нас что-нибудь будет таким образом постепенно углубляться.

Теперь у нас достаточно людей. В хозяйстве Розенберга они сидят без числа. Но, к сожалению, они имеются у нас и при армиях. Это бывшие балтийские дворяне и другие балтийские немцы. Но имеются также и украинские эмигранты, которые со временем обжились в Германии, частично, к сожалению, даже приобрели

* Имеется в виду возможность использовать в боевых действиях военнопленных.

гражданство и которые, естественно, смотрят на немецкую освободительную кампанию с большой радостью. Но на фоне событий они видят не наши национальные цели, в перспективе они видят свои собственные цели. Каждый народ думает о себе, и ни о чем другом. Все эти эмигранты и советчики хотят только готовить себе позиции на будущее время.

Кейтель. В дополнение к этому осмелюсь доложить, что когда Польша действовала против нас, немецкие офицеры, как, например, один командир кавалерийского полка, состоявший в немецкой армии и четыре года участвовавший в боевых действиях, перешли на сторону Польши, чтобы принять на себя командование соответствующими подразделениями. Польское столбовое дворянство!

Фюрер. На сегодня перед нами встает именно такая опасность. Приказ № 13 вообще не подлежит обсуждению. Равным образом и другие вещи можно делать с таким расчетом, чтобы практически из них не вытекало никаких даже самых незначительных последствий и чтобы прежде всего не допустить распространения такого образа мыслей, какой я, к сожалению, уже обнаруживал у некоторых субъектов. Это несколько раз проявлялось и у Клюге. — «создадим себе огромное облегчение, если организуем русскую армию».

Здесь я могу лишь сказать: мы никогда не создадим русской армии — это фантазия первого разряда. Прежде чем мы это сделаем, будет гораздо проще, если я из этих русских сделаю рабочих для Германии, ибо это в гораздо большей степени является решающим фактором.

Мне не нужно русской армии, которую мне придется целиком пронизывать чисто немецким скелетом. Если я взамен этого получу русских рабочих, это меня вполне устраивает. Я могу тогда высвободить немцев, я могу соответствующим образом переквалифицировать русских. Наибольшим достижением для нашего производства будет являться рабочий, который будет занят на работе в Германии и которого мы должны, естественно, снабжать совершенно иначе, чем немцев, раз мы им поручаем работу.

Однако нам нужно решительно избегать даже возникновения такой мысли: может быть, наступит день, когда дела у нас пойдут плохо, и нам нужно только

создать украинское государство, тогда все будет в порядке, тогда мы получим один миллион солдат.

Мы ничего не получили бы, ни одного человека! Это такая же фантазия, как и тогда. Мы совершили бы величайшую глупость. Мы прежде всего упустили бы из виду цель настоящей войны.

Я недавно уже сообщал Цейтлеру. Я имел беседу с Розенбергом и Кохом и мог лишь одно установить, что между ними, естественно, имеется огромная разница. Розенберг имеет в своем распоряжении деклассированные политические элементы еще со времен его собственной эмиграции.

Вполне естественно, что в 1919—1922 годах мы к этим эмигрантам относились с полной симпатией, так как мы говорили, что, может быть, в России наступит перелом. Оказалось, что все это тоже одна лишь фантазия. Эмигранты ничего не делали. Они жили себе в Германии и кормились за наш счет. В 1921 году я имел по этому поводу спор с Розенбергом, и я ему тогда сказал: Розенберг, заметьте себе твердо, что революция делается только теми людьми, которые находятся внутри государства, а не вне его. И вот появился украинский гетман, который предложил нам свои услуги. Я сказал тогда: Розенберг, чего вы ждете от этого человека? — «О, он организует революцию». Я сказал тогда: в таком случае он должен находиться в России.

Люди, совершающие революцию, должны находиться внутри государства. В противном случае это было бы равносильно тому, что я находился бы в Швейцарии и сказал бы: я организую из Швейцарии революцию в Германии. Это звучит слишком по-детски.

Большая опасность кроется в том, что мы, подстрекаемые эмигрантами, которые, само собой разумеется, видят в этом свою жизненную задачу, слишком легко теряем почву под ногами, что это продолжает развиваться и дальше и что власть неожиданно получают люди, которые еще не обладают этими политическими знаниями и которые даже не знают, как на практике к этому делу подходить.

Мне пришлось однажды пережить такой случай. В числе других тому же Коху был сделан упрек, что в его районе появились партизаны. Кох сказал тогда: «Как вы можете делать мне такой упрек? Покажите мне какой-нибудь прифронтовой район, в котором не

было бы партизан. Какие я имею политические соединения? Дайте мне достаточно полиции, и я покончу с партизанами. Уберите из любого прифронтового района войска, и вы увидите, есть там партизаны или нет. В хлеботородных округах моего района нет партизан, они имеются лишь в северных округах, где так или иначе всегда водились банды. Войска должны вести постоянные операции против партизан в полосе до 50 километров за линией фронта. Я нахожусь на сотни километров позади фронта и не имею в своем распоряжении никаких людей. С кем я стану все это делать?»

Все это является теоретизированием в облаках, без всякого учета того обстоятельства, что мы совсем не собираемся здесь ставить перед собой задачи на далекое будущее. Никаких отдаленных целей я намечать не могу в смысле создания независимых или автономных государств. Ибо начинается дело, и всегда оно кончается независимым государством. Это совершенно ясно, таков бывает заключительный аккорд песни.

Здесь нужно ставить вопрос со всей остротой, чтобы у нас не возникало никаких ложных представлений. Генерал Цейтлер высказался уже, что было бы, может быть, важно, чтобы я эту мою точку зрения изложил при случае наиболее видным офицерам — и в первую очередь генералам и фельдмаршалам.

Кейтель. Ламмерс здесь, чтобы изложить их взгляды в краткой докладной записке. Он уже беседовал со мной по этому вопросу, и я просил его сделать это в срочном порядке, так как нашим генералам очень трудно разъяснить это дело. Я беру на себя смелость заявить об этом открыто. Я это знаю непосредственно от Мюллера и Клюге.

В создании так называемых туземных соединений и в их вооружении они усматривают средства для ликвидации тревожного состояния, существующего в тыловых районах.

Фюрер. Цейтлер расскажет нам о них. Это, несомненно, такие соединения, которые сегодня нельзя удалить безоговорочно, так как их надо чем-то заменить.

Цейтлер. Мы имеем всего 78 батальонов, 1 полк и 122 роты. Это все. Из этих 78 батальонов 47 находятся в распоряжении фельдмаршала на Украине и в распоряжении командующего запасной армией. Так что, собственно, впереди остается немного, и все они очень распылены, поскольку они находятся впереди.

Далее имеется особая категория численности в 60 000 человек. Это некоторая разновидность охраны. Они сведены в совершенно мелкие группы.

Фюрер. Это нужно. Без этого нельзя обойтись.

Цейтлер. В добровольных помощниках приблизительно до 220 000 человек. Они распределены в войсках примерно по 4—5 человек на одного артиллериста. Их нельзя убирать.

Кейтель. В этих добровольных помощниках я не усматриваю ни политической, ни пропагандистской, ни иной какой-либо проблемы. Что касается туземных соединений, то там дело опаснее, так как они сведены в достаточно крупные единицы.

Цейтлер. Имеется только одно-единственное подразделение полкового типа. Все остальные сведены в батальоны. Это также не представляет опасности.

Фюрер. С моей точки зрения, решающий момент заключается не в самом факте существования этих соединений, а в том, что мы ни в коей мере не должны дать себя обмануть насчет того, чего вообще мы можем от них ждать и какое действие это произведет на другую сторону.

Кейтель. Я позволю себе заявить, что мы будем рассматривать этого инициатора пропагандистских листовок, подписанных Власовым, то есть национальный комитет, как чисто пропагандистское средство.

Цейтлер. Необходимо провести резкую черту. Там где дело касается противника, там можно все делать а что происходит внутри, там дело обстоит иначе. Здесь должна быть ясная граница.

Кейтель. Я этот вопрос еще раз поставил перед Розенбергом совершенно четко. Я задал ему вопрос: каковы их собственные намерения в отношении национального комитета? Что касается нас, то мы предлагаем использовать их в целях пропаганды для возможно более широкого привлечения перебежчиков.

Его ответ: сведение этих добровольных помощников (так он их называет) и русских, украинских, кавказских, татарских боевых соединений в единую «русско-украинскую освободительную армию», а также, добавлю я, использование этого предприятия с пропагандистскими целями.

Здесь мы имеем дело не только с использованием в целях пропаганды, но и особого рода сосредоточением. А это есть именно то, чего фюрер не желает.

Цейтлер. Этого мы совсем не делаем. Можно было выдавать вознаграждение людям, которые у нас служат, чтобы привязать их к нам, — какую-нибудь реальную ценность, будь то деньги или обещание, что они потом что-нибудь получат.

Сосредоточение я считаю совершенно неправильной мерой, и уж ни в коем случае в форме дивизий. Батальоны еще допустимы, их легко держать в руках. Но соединения выше этого не должны допускаться, за исключением казачьей дивизии. Эта последняя будет вести себя вполне порядочно.

Фюрер. Я сказал бы, что если бы мы успешно удержались на Кавказе, мы могли бы наверняка получить соединения не у грузин, а у мелких тюркских народов.

Кейтель. Они будут составлять исключение из вышеуказанного правила, так как они являются сильнейшими врагами большевизма. Они стоят вне дискуссии. Это тюркские легионы. Это чисто туземные соединения. Я еще раз могу указать на то, что мы говорили в прошлом году, в начале сентября: они особо отличившиеся в борьбе с бандами туземные соединения.

Фюрер. Они тогда уже существовали.

Кейтель. Эти роты, поскольку они состоят из, условно, надежных элементов на добровольческой основе, могут быть оставлены и дальше, а также могут создаваться заново. Так мы тогда договорились.

Фюрер. Создание еще новых формирований является уже опасным.

Цейтлер. Это, пожалуй, было бы слишком неосмотрительно.

Фюрер. Дальнейшую их организацию надо, естественно, как-то задержать. Ибо этот процесс не имеет никаких границ. Один может это понять так, другой — иначе.

Кейтель. Командующий Восточным фронтом также относится благожелательно к созданию этих соединений.

Цейтлер. Нет, ни в коем случае, батальон — самое крепкое соединение.

Кейтель. Теперь дальше. Подтягивание их к фронту для ввода в бой, а также использование эмигрантов и лидеров прежней интеллигенции впредь, как и раньше, категорически воспрещается. Это оговорено совершенно четко. Такие люди не должны допускаться на фронт. Мы их оттуда удалили. Я сам проделал такую опера-

цию в войсковой группе «Центр». Там в качестве переводчиков на руководящие посты проникли эмигранты и мы их выбросили.

Шмундт. Нельзя сказать, чтобы генерал-полковник Линдеман очень хотел создавать эти соединения, но он говорит, что мы должны выделять вопрос о пропаганде в сторону противника. Здесь все средства хороши. Но тыловом районе дело обстоит так, что мы добились того, что освободили наших солдат для фронта. «Этого мы достигли, — говорит он, — благодаря тому, что только в районе действия моей армии имею 47 000 добровольных помощников, которые, например, обслуживают всю мою железнодорожную сеть, — и все это все го лишь потому, что они получают питание и жилье, также сохранили себе жизнь».

Кейтель. Добровольные помощники или туземные соединения?

Шмундт. Добровольные помощники. Но это люди которые без всякого надзора со стороны надсмотрщиков или полиции добровольно делают все это. А теперь явился Власов, который разъезжает всюду в качестве проповедника и проповедует национальное освобождение как в населенных пунктах, так и перед добровольными помощниками и войсками.

Кейтель. Это я уже запретил.

Шмундт. Генерал-полковник Линдеман говорит не совсем так, как думает господин фельдмаршал, «мы будем создавать эти соединения в широком масштабе», но я обращаю ваше внимание на существующую в этом деле опасность: Власов их взбудоражил насчет свободы. Он, несомненно, этим больше всего затруднил борьбу с партизанами.

Линдеман говорит, что теперь наступил момент, когда одно из двух: или надо сделать уступку этому Власову, даже если мы не намерены остановить его, и сказать: «Вы за это получите то-то и то-то», или все это дело надо отклонить начисто. Иначе это ударит нам в спину, люди станут выражать недовольство и вместо того, чтобы обслуживать железнодорожную сеть, в один прекрасный день начнут саботировать ее.

Фюрер. Вообще этот генерал Власов в наших тыловых районах мне совершенно не нужен.

Шмундт. Но он там работает.

Фюрер. Это необходимо прекратить. Он мне нужен только на передовой.

Шмундт. Командующие армиями хотели бы получить такое решение.

Кейтель. Это дело решенное.

Фюрер. Цейтлер, для нас вопрос ясен, для тыла этот Власов нам не нужен. Он может действовать только в сторону противника.

Цейтлер. Только в сторону противника своим именем и своими снимками.

Кейтель. Могу ли я теперь не поставить вопрос, который внесен войсковой группой «Север» через генеральный штаб, — группа просит разрешения включить добровольцев из числа эстов, латышей и литовцев в немецкие части в качестве немецких солдат и таким путем восполнить все вакансии.

Фюрер. Этого в такой общей форме нельзя делать.

Цейтлер. Существует у нас даже латышская бригада СС.

Фюрер. Это отдельные соединения, но в общей массе это делать не следует.

Кейтель. Если они будут включены в состав армии, они будут фигурировать не в качестве добровольцев в особых частях на основе закона о трудовой повинности, а будут зачислены на имеющиеся вакансии при немецких войсковых подразделениях.

Фюрер. Ни при каких обстоятельствах. Это привело бы к тому, что эти соединения в конечном счете стали бы совершенно ненадежными. Совершенно другое дело, если я иду на уступки и составляю из этих людей отдельный легион. Но он тоже должен быть тщательно подобран и выдрессирован.

Кейтель. Это все делается.

Фюрер. Но если вы будете этих людей включать нормальным порядком в то или иное подразделение, то может случиться, что они внесут с собой яд совершенно беспримерного действия. Этого делать нельзя.

Цейтлер. Из крупных единиц существует только одна дивизия, о которой я докладывал и которая составлена по принципу 1 : 1. Это удивительно. Теперь фактически русские солдаты учат наших людей, как нужно окапываться и использовать местность. У них свой способ окапываться и располагаться в окопе, и это удивительный способ.

Кейтель. Это дивизия «Нидермайер», в ней имеются турки. Она носит номер 162.

Фюрер. Где она фактически находится?

Цейтлер. Она находится в губернаторстве.

Фюрер. Одно совершенно ясно, что эти соединения мы серьезно использовали только в нескольких пунктах и там они не показали себя созревшими для серьезно-нагрузки.

Цейтлер. Нет, для серьезной — нет! Хотя они в таком положении находятся уже полтора года, они до самого последнего времени остаются такими же ненадежными.

Фюрер. Полагаться на них нельзя. И я вынуждена повторить: мы можем вести пропаганду в сторону противника как угодно. Это все можно делать. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что это не должно вовлечь нас в такое положение, какое мы имели в 1916 году. Этого не должно случиться. Прежде всего это не должно иметь места. Мы не должны эти соединения готовить для кого-то третьего, кто возьмет их в руки и скажет: сегодня мы с вами заодно, а завтра — нет. В один прекрасный день мы услышим нечто вроде забастовочного лозунга. Он обойдет весь фронт, и тогда они окажутся организованными и начнут заниматься вымогательством.

Кейтель. Я могу лишь добавить к этому, что Власов отозван. Его больше нет на фронте. Всякая пропаганда на фронте и его собственная пропагандистская деятельность ему запрещена. Осталось только принять решение, можем ли мы пустить такое оповещение на ту сторону относительно так называемой освободительной армии.

Фюрер. Да, в этом случае можно все делать.

Кейтель. Я не видел в этом ничего угрожающего. Ибо мы, именно мы, являемся освободительной армией против большевизма.

Фюрер. Хотя я придерживаюсь того убеждения, что отзыв освободительной армии будет иметь эффект, ибо люди не хотят воевать, они хотят покоя.

Кейтель. Ну а как использовать людей из лагерей для перебежчиков?

Фюрер. Я стою на той точке зрения, что их надо вывезти и использовать в Германии. Это военнопленные. Если бы я мог 30, 40 или 50 процентов из них отдать комиссару по углю!

Цейтлер. Я поставил себе целью сделать из них под-

ходящих рабочих для Германии. На передовой с перебежчиками не очень много успеешь. Одного или другого добровольного помощника я могу поставить на свободную вакансию. Но основная масса должна идти в Германию в качестве рабочих, чтобы освободить немцев.

Фюрер. Я могу лишь сказать: если мы не упорядочим наше положение с углем, то наступит момент, когда я уже не смогу изготавливать боеприпасы и взрывчатые материалы, когда мы не сможем больше строить подводных лодок. Так может произойти в сотне различных областей — это бессмыслица. Но при таких условиях этот момент наступит. Уже теперь получается трагическое положение, когда приходят итальянцы и спрашивают, почему мы им не поставляем этих материалов. Я должен им их дать. А мы не в состоянии это сделать, потому что у нас слишком мало угля. Это, конечно, расхлябанность.

Кейтель. Итак, я сообщу рейхсминистру Розенбергу, что согласно нашему решению этот вопрос не стоит в порядке дня, что позади нашего фронта мы вообще не намерены добиваться какого-либо практического результата этими средствами, что пропаганду в отношении противника мы этими средствами будем продолжать, что в русском районе мы господину Власову больше не разрешим проявлять активность. Если ему угодно...

Фюрер. Мы и никому другому также этого не разрешим. Мы ведь делаем это не для Коралловых островов, а позволяем вести пропаганду в отношении наших противников. Я убежден, что русские, со своей стороны, будут вести пропаганду против нас. Не следует допускать, чтобы у нас возникали ложные надежды.

Кейтель. Однако генералы, и в особенности Клюге, я это знаю от него лично, я с ним достаточно говорил по этому поводу, склонны видеть в этом некоторую разгрузку.

Цейтлер. Как раз не хватает ясности сверху. Раз всегда должна быть дана установка сверху прямо и без обиняков.

Кейтель. Теперь я позволю себе высказать еще одну просьбу по вопросу, который обсуждается. После того как у относительно добровольных помощников наметились твердые положения, возникает вопрос о выработке четких определений также и для туземных соединений в смысле их состава, подготовки и т. п. Было бы хорошо,

если бы мы могли их предварительно получить и показать фюреру. В данное время они прорабатываются вас в организационном отделе.

Фюрер. Может быть, с помощью сегодняшней стенограммы, сегодня я излагал свои мысли письменно. Ламмерс еще раз просмотрит материал и на основе его составит проект решения.

Впрочем, вы могли бы еще кое-что сделать. Мы можем видеть, как разворачивается история. При известных обстоятельствах было бы также возможно еще раз обратиться к нашим высшим командиров, чтобы я мог им это сказать лично.

Шмундт. Это было бы чудесно.

Кейтель. Это было бы очень хорошо. Ибо получает маленький самообман. Люди надеются получить разгрузку (за счет армии Власова. — А. К.), а не знают, какое беспокойство они сами себе создают, какую вон они заводят у себя в тулупе».

Стенограмма этого совещания была направлена все командующим немецких групп армий и соединений, расставив все точки над «i» по проблеме создания и использования РОА.

Вот что показал Кейтель на допросе по делу А. А. Власова: «Первоначально серьезное внимание Власову уделил весной 1943 года главный штаб сухопутных войск, который предложил сформировать и вооружить русские части под командованием Власова. Секретарь имперской канцелярии министр Ламмерс в специальном письме обратил внимание фюрера на эту попытку; то решительным образом запретил все мероприятия по формированию вооруженных частей и отдал мне приказание проследить за выполнением его директивы. После этого Власов мной был взят на некоторое время под домашний арест и содержался в районе Берлина. Гиммлер также был против создания русской армии под эгидой главного штаба германской сухопутной армии. В дальнейшем он изменил свое отношение к этому вопросу. Гиммлеру удалось получить разрешение фюрера на создание русской армии, но Гитлер и тогда решительно отказался принять Власова. Покровительство Власов оказывали только Гиммлер и СС».

Судя по информации из советских источников А. А. Власову удалось попасть к Гиммлеру на прием благодаря Адели Биленберг, вдове офицера СС, погиб-

шего на фронте; брат ее был приближенным Гиммлера *.

13 апреля 1945 года А. А. Власов сочетался браком с А. Биленберг. Этот брак был непродолжительным и оборвался после ареста Власова советскими органами.

Вообще надо отметить, что в жизни Власова женщины сыграли большую роль. Через многие трудности прошла с ним его первая жена, репрессированная после его ухода к немцам, в Китае ему многие двери открыла жена Чан Кайши.

* Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. Под ред. генерал-лейтенанта юстиции С. С. Максимова. М., 1987, с. 199.

СУД

26 августа 1946 года в центральных газетах было опубликовано сообщение Военной коллегии Верховного суда СССР:

«На днях ВКВС СССР рассмотрела дело по обвинению Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. Н., Трухина Ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меандрова М. А., Мальцева В. И., Буныченко С. К., Зверева Г. А., Корбукова В. Д. и Шатова Н. С. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1«б», 58-8, 58-9, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

В соответствии с пунктом I Указа ОГВС СССР от 19 апреля 1943 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила обвиняемых... к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение».

В десятках писем, полученных мною, задается один и тот же вопрос: почему о суде над власовцами ничего не было сообщено в печати и почему суд был закрытым?

Наверное, потому, что этот суд в соответствии с принятыми тогда нормами относился к числу закрытых, кроме того, на нем поднимались такие вопросы, которые тогда предпочитали не предавать гласности.

Во время следствия подсудимых содержали во внутренней тюрьме МГБ СССР. В этой связи я хочу сделать принципиальное уточнение: в одной из газетных статей я прочитал, что ее автор как ветеран 2-й ударной армии и «биограф А. А. Власова» (так он себя называет) брал интервью у Власова в период его пребывания в тюрьме. Такие легенды не могут сегодня вызвать ничего, кроме сожаления, как у наших, так и у зарубежных исследо-

вателей. В эту тюрьму до решения Н. С. Хрущева о начале расследований нарушения социалистической законности не допускался даже Генеральный прокурор.

Суд был проведен под председательством небезызвестного генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха (председателя Военной коллегии Верховного суда СССР). Длился он двое суток. Хочу познакомить читателей с судебными материалами, не считая возможным внести в них какие-либо дополнения или исправления, кроме орфографических.

Итак, перед вами протокол судебного заседания:

«В 12 часов 05 минут председательствующий открыл судебное заседание и объявил, что подлежит рассмотрению в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, дело по обвинению: А. А. Власова, В. Ф. Малышкина, Г. Н. Жиленкова, Ф. И. Трухина, И. Б. Благовещенского, Д. Е. Закутного, В. И. Мальцева, С. К. Буняченко, Г. А. Зверева, М. А. Меандрова, В. Д. Корбукова и Н. С. Шатова, преданных суду Военной коллегии Верховного суда СССР за совершение преступлений, предусмотренных статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и статьями 58-1 «б», 58-8, 58-9, 58-10, ч. II и 58-11 УК РСФСР.

Секретарь докладывает о том, что все подсудимые, указанные в обвинительном заключении, доставлены в суд под конвоем и находятся в зале судебного заседания.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимых, которые на поставленные вопросы дали о себе нижеследующие биографические данные:

— Власов Андрей Андреевич, 1901 г. р., уроженец деревни Ломакино Гагинского района Горьковской области, русский, со средним образованием, окончил 2 класса духовной семинарии и курсы «Выстрел», бывший член ВКП(б) с 1930 года, в РККА с 1920 года, последняя занимаемая должность в Красной Армии — заместитель командующего войсками Волховского фронта и был назначен командующим 2-й ударной армией Волховского фронта, имел звание генерал-лейтенанта.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Малышкин Василий Федорович, 1896 г. р., уроженец Марковского рудника Сталинской области, по национальности русский, бывший член ВКП(б) с 1919 года, в 1938 году я арестовывался органами НКВД и находился под стражей 14 месяцев, в Крас-

ной Армии служил с 1918 года и последняя занимаемая должность в Красной Армии — начальник штаба 19-й армии, имел звание генерал-майора.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Жиленков Георгий Николаевич, 1910 г. р., уроженец г. Воронежа, по национальности русский, бывший член ВКП(б) с 1929 года, являлся членом Московского городского комитета ВКП(б), накануне перехода на сторону врага исполнял должность члена Военного совета 32-й армии и имел звание бригадного комиссара.

Копию обвинительного заключения получил.

— Трухин Федор Иванович, 1896 г. р., уроженец г. Костромы, русский, с высшим образованием, в 1914 году я окончил гимназию, в 1925 году Академию имени Фрунзе и, кроме того, окончил Академию Генерального штаба, в Красной Армии с 1918 года, беспартийный, последняя занимаемая мною должность в Красной Армии — начальник штаба Северо-Западного фронта, имел звание генерал-майора.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Благовещенский Иван Алексеевич, 1893 г. р., уроженец г. Юрьевец Ивановской области, русский, бывший член ВКП(б) с 1921 года, имею образование общее-низшее, военное высшее, в 1931 году окончил Академию имени Фрунзе и в 1937 году Академию Генерального штаба, в Красной Армии с 1918 года, последняя занимаемая мною должность в Красной Армии — начальник Военно-Морского училища ПВО в г. Либаве и имел звание генерал-майора береговой службы.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Закутный Дмитрий Ефимович, 1897 г. р., уроженец г. Зимовники Ростовской области, русский, бывший член ВКП(б) с 1919 года, бывший командир 21-го стрелкового корпуса, имел звание генерал-майора.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Мальцев Виктор Иванович, 1895 г. р., уроженец г. Гусь-Хрустальный Ивановской области, русский, в 1938 году я арестовывался органами НКВД и находился под стражей полтора года, затем был освобожден из-под стражи, уволен в запас Красной Армии и работал начальником санатория Аэрофлота в г. Ялте, имел воинское звание полковника запаса.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Буняченко Сергей Кузьмич, 1902 г. р., уроженец села Коровякова Глушковского района Курской области, по национальности украинец, бывший член ВКП(б) с 1919 года, окончил сельскую школу и в 1936 году Академию имени Фрунзе, в Красной Армии с 1918 года, последняя занимаемая мною должность в Красной Армии — командир 59-й стрелковой бригады, полковник.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Зверев Григорий Александрович, 1900 г. р., уроженец г. Ворошиловска, по национальности русский, бывший член ВКП(б) с 1926 года, в Красной Армии с 1919 года и последняя занимаемая мною должность в Красной Армии — командир 350-й стрелковой дивизии, полковник.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Меандров Михаил Алексеевич, 1894 г. р., уроженец г. Москвы, русский, беспартийный, в Красной Армии с 1918 года, бывший заместитель начальника штаба 6-й армии, полковник.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Корбуков Владимир Денисович, 1900 г. р., уроженец г. Двинска, по национальности русский, бывший член ВКП(б) с 1925 года, в Красной Армии с 1919 года и последняя занимаемая должность в Красной Армии — помощник начальника связи 2-й ударной армии Волховского фронта и имел звание подполковника.

Копию обвинительного заключения я получил.

— Шатов Николай Степанович, 1901 г. р., уроженец деревни Шатово Котельничского района Кировской области, по национальности русский, бывший член ВКП(б) с 1929 года, последняя занимаемая мною должность в Красной Армии — начальник артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа, имел воинское звание подполковника.

Копию обвинительного заключения я получил.

Оглашается состав суда и разъясняется подсудимым их право отвода кого-либо из состава суда или состава суда в целом при наличии к тому оснований.

Отвода составу суда подсудимыми заявлено не было.

Председательствующий разъясняет подсудимым их права во время судебного следствия и спрашивает их, имеют ли они какие-либо ходатайства и заявления до начала судебного следствия.

Подсудимый Благовещенский. Я прошу предоставить мне возможность написать письменное объяснение по делу, а в соответствии с этим возникнет и вопрос о вызове в суд по моему делу свидетелей.

От других подсудимых ходатайств и заявлений до начала судебного следствия не поступало.

Военная коллегия Верховного суда СССР, совещаясь на месте, определила: ходатайство подсудимого Благовещенского разрешить в процессе судебного следствия.

По предложению председательствующего секретарь огласил обвинительное заключение и определение подготовительного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 27 июля 1946 года по делу.

Председательствующий. Подсудимый Власов, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Подсудимый Власов. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Малышкин, признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Малышкин. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Трухин, признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Трухин. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Жиленков. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Закутный, признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Закутный. Да.

Председательствующий. Подсудимый Благовещенский, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Подсудимый Благовещенский. Я признаю себя виновным частично. В обвинительном заключении указано, что после капитуляции гитлеровской Германии Благовещенский бежал в зону американских войск и предпринял попытки вступить в переговоры по предоставлению убежища членам КОНРа. Это не соответствует действительности. В зону американских войск я не переходил, а, наоборот, сам лично добровольно явился и сдался органам Советской власти.

В антисоветскую организацию, возглавляемую Власовым, я вступил, хотя и не имел на это прямых указаний от советских органов, с целью подрыва этой организации изнутри, с целью разлагательской работы. Свою деятель-

ность на оккупированной немцами территории полностью признаю.

Председательствующий. Подсудимый Мальцев, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Подсудимый Мальцев. Да.

Председательствующий. Подсудимый Буняченко, признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Буняченко. Да, признаю.

Председательствующий. Подсудимый Зверев, признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Зверев. Признаю, за исключением пункта, в котором говорится, что я являлся членом КОНРа. Заявляю, что я никогда членом КОНРа не был, в заседаниях КОНРа не участвовал и манифеста не подписывал. Мне предъявлено обвинение, что я с целью вербовки выезжал во Францию. Во Франции я никогда не был. Я также вопросом перехода на сторону американцев не занимался: в это время я больше занимался вопросом самоубийства. В пределах моих показаний, которые я давал 30 марта с. г., и всего, что предъявлено в моем деле, я и признаю себя виновным.

Председательствующий. Подсудимый Меандров, признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Меандров. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Корбуков, признаете ли вы себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

Подсудимый Корбуков. Признаю.

Председательствующий. Подсудимый Шатов, признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Шатов. Признаю, за исключением того момента, что якобы за активную работу я был произведен немцами в полковники. Заявляю, что никогда такого звания от немцев не имел и полковником не был.

В 13 часов 40 минут председательствующий объявляет перерыв.

В 14 часов 08 минут судебное заседание возобновляется с допроса подсудимого Власова, которому председательствующий по ходу следствия ставит следующие вопросы:

Председательствующий. Подтверждаете ли вы ваши показания от 25 мая с. г., т. е. основные ваши показания, — сдаваясь немцам, были ли вы убеждены в правильности действий фашистов и, переходя на их сторону,

делали это добровольно, согласно вашим убеждениям или как?

Подсудимый Власов. Смалодушничал.

Первые шаги в работе начались с Винницкого лагеря, где шла разлагательская работа с участием капитана Штрикфельда. Я это подтверждаю. Я также подтверждаю, что разговор между мной и Фильгером, который отражен на странице пятой второго тома, имел место, и я тогда дал свое согласие работать на немцев. Капитан Штрикфельд предложил подготовить листовку, что мной и было выполнено, и после этого мы выехали с ним в Берлин.

Я лично знал Кестринга; знал, что это бывший русский помещик, и свои показания о связях с Кестрингом и генералом Хельмигом подтверждаю. В ноябре месяце 1942 года был составлен проект воззвания, а также ряд листовок. Проект этот был не окончательный; он переделывался и лишь впоследствии был опубликован, получив немецкую визу. Листовка была целиком размножена и распространена силами немцев. Немцы в этом были заинтересованы. Штрикфельд рекомендовал действовать с русской территории и, в частности, из г. Смоленска, вот почему воззвание было помечено как изданное в г. Смоленске.

Председательствующий. Имели ли вы попытку попасть на прием к Гитлеру?

Подсудимый Власов. Да, я пытался, чтобы Гитлер принял меня, но через Штрикфельда я узнал, что Гитлер не желает видеть меня потому, что он ненавидит русских и что он поручил принять меня Гиммлеру. Гиммлер действительно меня принял, и в разговоре я узнал, что Розенберг не обеспечил им русского вопроса и что теперь Гиммлер все русские дела взял на себя и будет руководить мной и моими организациями. По предложению Гиммлера предстояло создать КОНР и разработать текст манифеста. В составлении манифеста участвовали Жиленков и работники его отдела. Редактировал манифест лично я сам при участии Жиленкова, Закутного, Малышкина. Написанный нами проект манифеста был передан на утверждение Гиммлеру. Последний внес в него свои поправки. После этого манифест был переведен на немецкий язык, и Гиммлер снова проверял его. Постоянным уполномоченным от Гиммлера лично при мне был некто Трегер. Положение о комитете было разработано, но утверждения не получило и вообще оно в жизнь не проводилось.

Председательствующий. Расскажите о системе финансирования немцами всей вашей организации.

Подсудимый Власов. Финансировались мы полностью немецким государственным банком. С самого начала до 1944 года нам отпускались средства за счет вермахта, а потом, с 1944 года, нас финансировало СС, а с сентября месяца, примерно с 18 числа, пошли переговоры о заключении соглашения. Таким образом, до января 1945 года, надо считать, мы целиком жили на немецкий счет, без предоставления нам кредита. В начале 1945 года были сформированы дивизии. Шаповалов действительно был агентом немецкой разведки, и по совету Кестринга мы вынуждены были согласиться на то, чтобы дать Шаповалову под руководство предполагавшуюся к формированию 3-ю дивизию, которая, кстати сказать, так и не была сформирована.

Председательствующий. Бывали ли вы у Геббельса и какую получили конкретно от него помощь?

Подсудимый Власов. Да, у Геббельса я был, и он обещал оказать мне самую широкую помощь, а именно, передать в мое распоряжение типографию, обещал отпускать деньги и все необходимое для ведения пропагандистской работы.

Председательствующий. Занимались ли ваши органы и организации разведывательной работой, имелись ли у вас школы для подготовки разведчиков?

Подсудимый Власов. Разведывательной работой мои организации стали заниматься с 1945 года. Имелись у нас школы, в которых готовились специальные разведчики, назначение которых состояло в том, чтобы в тылу Красной Армии и вообще на советской территории организовывать повстанческие организации и бороться с Советской властью.

Председательствующий. Какую роль в вашей организации играл Жиленков?

Подсудимый Власов. Он являлся начальником управления пропаганды. Он также был в курсе всей разведывательной и иной работы против Советской власти. Данные мной на этот счет показания от 7 февраля с. г. я подтверждаю.

Председательствующий. Подтверждаете ли вы, что с 8 апреля ваши организации широко развернули контрразведывательную деятельность?

Подсудимый Власов. Да, это правильно. В 1945 году мы приняли от немцев школы разведчиков и стали сами

заниматься подготовкой, но выпустить сумели только одну школу.

Председательствующий. Листовки за вашей подписью фактически были продиктованы и исходили от немцев, не так ли? Где же здесь представители русского народа, от имени которого издавались эти листовки?

Подсудимый Власов. До 1944 года немцы делали все только сами, а нас использовали лишь как выгодную для них вывеску. Даже в 1943 году немцы не разрешали нам писать русских слов в этих листовках. Наше участие, вернее наша инициатива во всех этих делах, даже в 1945 году едва ли превышала 5 процентов.

Председательствующий. Кто же дал право писать и говорить от имени русского народа?

На этот вопрос Власов ответа не дал.

Председательствующий. Подсудимый Малышкин, подтверждаете ли вы свои показания, а также показания, которые вы сейчас слышали со слов Власова? Кто, кроме вас, подписывал листовки?

Подсудимый Малышкин. Да, мои показания и показания Власова подтверждаю. От Жиленкова я лично узнал, что листовки подписывались Жиленковым, Благовещенским и другими.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, подтверждаете ли вы эти показания Малышкина?

Подсудимый Жиленков. Да, подтверждаю. Я листовки подписывал в Смоленске. Для этого я был вызван начальником немецкой разведки центрального фронта Шубатом, который познакомил меня с политической платформой и пригласил подписать листовку.

Председательствующий. Подсудимый Благовещенский, подписывали ли вы листовку?

Подсудимый Благовещенский. Я не помню.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, составляли ли вы проект положения об ударных дивизиях и докладывали ли его Власову?

Подсудимый Жиленков. Да, Власову я в общих словах рассказал мой проект, но письменно о формировании белогвардейских бригад не доносил. Формирование закончить не удалось.

Председательствующий. Организовывали ли вы подрывную работу в тылу Красной Армии?

Подсудимый Жиленков. Да, все время. Это предполагала сама наша деятельность.

Председательствующий. Подтверждаете ли вы ваши показания от 28 мая 1946 года?

Подсудимый Жиленков. Да, но я говорю о другом плане, первом плане 1942 года. Этот план я читал и знаю.

Председательствующий. Подсудимый Власов, участвовали ли в выпуске школы разведчиков? Почему отрицали это?

Подсудимый Власов. Я не отрицаю, меня просто не поняли. На выпуске школы разведчиков я участвовал, держал антисоветскую речь, но спецзаданий перед разведчиками не ставил.

Председательствующий. Подсудимый Мальцев, помните Власову ваши показания на очной ставке.

Подсудимый Мальцев. Это было в середине мая. Ко мне заехали Власов и Жиленков и пригласили меня поехать с ними в школу на выпуск разведчиков. Школу возглавлял Калугин, и поэтому я был уверен, что это наша русская разведывательная школа, школа РОА. Показания мои на этот счет являются правильными, и я их подтверждаю и заявляю, что Власов выступал перед выпускниками и в своей речи преподал конкретное задание.

Подсудимый Власов. Показания Мальцева я подтверждаю.

Председательствующий. Подсудимый Мальцев, когда встал вопрос о переезде на юг Германии, предложили ли вы кому-то из своих подчиненных доложить о восемнадцати арестованных Власову и какие вы дали установки?

Подсудимый Мальцев. Да, я предложил Тухольникову доложить о 18 арестованных Власову и просить его указания, как поступить с ними. Причем на шесть человек из числа арестованных дела были закончены, и я рекомендовал настаивать на их расстреле. Власов расстрел шести человек утвердил.

Подсудимый Власов. Да, так было, но это было единственный раз, когда я утверждал смертные приговоры, и то потому, что доложил мне об этом Мальцев.

Председательствующий. Подсудимый Трухин, знал ли Власов о существовании школ разведчиков?

Подсудимый Трухин. Безусловно, лично я неоднократно докладывал об этих школах Власову, и он был в курсе дела.

Председательствующий. Попутно ответьте, куда девался Шаповалов?

Подсудимый Трухин. Мне неизвестно.

Председательствующий. Подсудимый Власов, в разговоре с Креггером и Радецким поднимался ли вопрос об активной диверсионной деятельности в советском тылу?

Подсудимый Власов. Радецкий бывал у меня и всякий раз требовал от меня людей для комплектования школы разведчиков; я же настаивал на том, чтобы школы отдали нам, и только в этом случае я обещал давать в эти школы людей. Я лично был настроен готовить руководителей восстаний в советском тылу, а не диверсантов. В штабе армии был создан контрразведывательный отдел во главе с неким Грачевым.

Председательствующий. Финансовое соглашение от января 1945 года было ли подписано министерством иностранных дел Германии?

Подсудимый Власов. Да. И вообще этот вопрос немцы поставили сами через Креггера, а соглашение со мной было заключено министерством финансов. Я использовал самые разнообразные кредиты, которые отпускались министерством внутренних дел, министерством иностранных дел и т. д. Ни от каких субсидий я не отказывался, и даже был использован белоэмигрантский фонд, состоявший из 24 ящиков золота и серебра. Этот фонд еще во времена врангелевщины русскими белогвардейцами был вывезен из Петрограда. Он находился долгое время в Сербии, немцы его там арестовали, и генералу Крейтеру было приказано вывезти фонд в Баварию, в местечко Тагензее южнее Мюнхена. Золото это было из России, но больше там было серебра и, главным образом, все в ценных вещах.

Председательствующий. А что вас побуждало общаться с Недичем и обмениваться с ним «любезностями»?

Подсудимый Власов. Я это делал, главным образом, по рекомендации немецкого представителя при мне. Фактически Недича я никогда не видел. Я посылал поздравительные телеграммы и адреса Риббентропу, Гимmlеру, Гудериану от имени русского народа.

Председательствующий. Вы, кажется, были близки с душителем чехословацкого народа Франком, протектором Чехии и Моравии, и посылали в его адрес различного рода поздравления?

Подсудимый Власов. Да, это имело место. Франк в свое время предоставил нам территорию и все необходимое, а позднее он помог нам автотранспортом перебраться на юг Германии.

Председательствующий. Вы имели сношение с небе-

звестным Кальтенбрунером и также обменивались с ним «любезностями»?

Подсудимый Власов. Да, Кальтенбрунер прислал мне телеграмму от имени Гитлера о моем назначении главным командующим. Телеграмму я получил через оберфюрера Крегера. Одним словом, с ноября 1944 года мы кругом были обставлены СС.

Председательствующий. Когда ваше положение оказалось неважным, что вы решили; было ли решено бежать на территорию оккупационной зоны американцев? Как вы думали вывернуться из того неловкого положения, в котором вы оказались перед американцами? Ведь вы в ваших листовках всячески клеймили американцев? Рассчитывали ли вы на помилование?

Подсудимый Власов. Я не располагал никакими данными в той части, как отнесутся к нам американцы или англичане.

Председательствующий. А обращались ли вы к гросс-адмиралу Деницу?

Подсудимый Власов. С Деницем я связи не имел, но в 1943 году я виделся с его начальником штаба.

Председательствующий. Каким же образом от вашего имени действовал у американцев Меандров?

Подсудимый Власов. Я вообще никаких указаний не давал. Я лишь ставил вопрос, чтобы меня не выдавали. Но, разумеется, я знал, что если я и буду выдан, то антисоветская работа на этом, естественно, не прекратится.

Председательствующий переходит к допросу подсудимого Малышкина и ставит перед последним следующий вопрос: «Ответьте, как вы попали к немцам?»

Подсудимый Малышкин. Я сдался немцам из-за трусости.

Председательствующий. А антисоветская деятельность проводилась вами из-за трусости или по убеждению?

Подсудимый Малышкин. Только по убеждению.

Председательствующий. По указке или по убеждению вы подписывали документы?

Подсудимый Малышкин. Это я сделал после основного разговора с Власовым.

Председательствующий. А с кем из русских людей, от имени которых вы выпускали документы, когда-нибудь вы разговаривали?

Подсудимый Малышкин. Ни с кем.

Председательствующий зачитывает показания Малышкина и ставит вопрос, подтверждает ли Малышкин эти свои показания.

Подсудимый Малышкин. Показания мои правильные. Я принимал участие в редактировании документов, но до этого я их не видел, хотя подробности о них мне были известны. Бывший смоленский бургомистр Меньшагин в Карлсбаде мне рассказывал, что он также подписал воззвание комитета.

Председательствующий. В чем заключалась ваша работа после подписания листовки?

Подсудимый Малышкин. Я и с этой стороны имею прямое отношение к формированиям воинских единиц РОА. Когда части РОА по требованию немцев стали перебрасываться на запад, я должен был убеждать рядовых, чтобы отвлечь их от перехода на советскую сторону. Я все объяснял как временную меру, а по сути дела, я занимался обманом. Делал это я, имея от Власова специальное письмо. Я пропагандировал за то, что бы драться с союзниками, особенно после того, как была осуществлена высадка англо-американских войск. Я призывал к активному сопротивлению. Я это делал потому, что являлся ближайшим помощником Власова. На моей обязанности лежало подбирать кандидатуры в комитет. Я редактировал манифест. Я выступал в Праге с положением-уставом о комитете, и моя роль на пражском совещании была, безусловно, руководящей. Если Трухин был у Власова первым лицом по военной организации, то я лично занимал руководящее положение в организационных вопросах, а Жиленков в агитационно-пропагандистских.

Председательствующий. А как оплачивались «активные» должности, которые вы занимали?

Подсудимый Малышкин. Мы состояли в списках школы отдела пропаганды вермахта, которая находилась в Дабендорфе — это на окраине Берлина, где долгое время жили я, Власов, Трухин.

Председательствующий. А каково было материальное положение первого заместителя Власова, то есть ваше?

Подсудимый Малышкин. До декабря месяца я получал 240 с лишним марок в месяц, а с декабря стал получать 900 марок и продпак. КОНР все-таки являлся такой организацией, которая в основном субсидиро-

валась по линии СС. Должен заявить, что я в число правителей России не готовился. Разговоры Власова с немкой* на тему, как они будут управлять Россией, признаю честно, я не слышал.

Председательствующий. А как вы думали вывернуться перед американцами?

Подсудимый Малышкин. Мы намеревались доказать американцам, что с немцами мы сотрудничали вынужденно, что немцы наши враги. Я был принят американским генералом Печем и от имени Власова просил последнего не выдавать нас Советам, а предоставить нам право убежища. Печ категорически заявил, что политических вопросов он не решает, и предложил сдаться американцам. Я находился на положении военнопленного у американцев. Я не скрываю, что я писал определенные записки для американцев. Я заявил американцам, что репатриироваться я не собираюсь и что живьем в руки Советам я не дамся. Меня содержали на привилегированном положении, я находился в лагере американской разведки, и здесь я выдал некоторые секреты СССР. Но после этого положение вдруг резко изменилось. Если ранее один из американских офицеров — разведчик заверял меня о благожелательном отношении ко мне со стороны американцев, мне официально предлагали освобождение, паспорт и прочее, потом вдруг меня перевели в тюрьму, а 26 марта 1946 года передали в советскую зону оккупации.

Председательствующий переходит к допросу подсудимого Трухина, перед которым ставит следующий вопрос:

— Расскажите, Трухин, как вы сдались немцам, по убеждению или из-за трусости?

Подсудимый Трухин. По трусости. На первых же допросах я дал о себе лично самые пространные показания. На вопросах, связанных с военной тайной, немцы не настаивали, и поэтому я из этой области никаких показаний не давал.

Председательствующий. Чем же в таком случае объяснить, что вы получили от немцев назначение на должность начальника лагеря?

Подсудимый Трухин. Начальником лагеря я не был. В этой части запись не совсем точная. Я был всего лишь старшим в лагере.

* Имеется в виду жена Власова Адель Биленберг

Председательствующий зачитывает содержание документа немецкой разведки с характеристикой на Трухина.

Подсудимый Трухин. Этот документ о моей благонадежности и пригодности к использованию мне известен. Меня перевели в лагерь восточного министерства под Берлином, и после этого я включился в организационную работу. Я занимался преподавательской работой и готовил кадры для оккупированной немцами территории, а в марте 1943 года я присоединился к Власову. В конце 1943 года я обращался с письмом к Деницу и просил его принять Власова. Я подписывал это письмо как советский генерал. Я входил в созданную Мальцевым РТНП, был в составе ее ЦК, я написал раздел программы этой организации по военному отделу. Я организовал этот военный отдел. Я представил немцам на утверждение наши мероприятия. Позднее я связался с белоэмигрантским национальным трудовым союзом «Новое поколение», в 1942 году вошел в состав этой организации и с весны 1944 года состоял членом исполбюро этой организации. При Власове я был официальным представителем от названной мной организации, но Власов об этом не знал, так как о принадлежности к этой организации оглашать не рекомендовалось. Она была полулегальной, и немцы к ней не благоволили. В качестве представителя я проводил точку зрения, изложенную в программе, и под этим же углом издавались различного рода брошюры. В этом мне помогали Зайцев и Степанов. Наша точка зрения в основном не расходилась с 13-ю пунктами Власова. В начале 1943 года я редактировал новое издание программы союза под названием «Схема народно-трудового строя». Я вербовал членов из курсантов школы в Дабендорфе, я руководил военными вопросами союза.

Председательствующий. Но вы же являлись и организатором разведшкол?

Подсудимый Трухин. Да, этот вопрос интересовал нас с первых же дней нашей деятельности. Власов давал установки засылать как можно больше своих агентов в советский тыл и меньше пользоваться немецкой агентурой. Отдел безопасности комитета возглавлялся Калугиным, он же руководил школой. Школа также была организована в районе Мариенбада. Я давал указания набирать людей из дивизии Буняченко. Я стремился иметь свою собственную школу. В 1945 году в

Братиславе я организовал такую школу, во главе которой поставил белоэмигранта Иванова, а персонал подобрал из имевшегося у меня резерва. Эта школа работу начать не могла ввиду наступления частей Красной Армии и выпуска ни одного не сделала.

Председательствующий. В чем же ведении находился отдел безопасности комитета?

Подсудимый Трухин. В ведении Малышкина. Организован он в ноябре 1944 года Калугиным и начальником отдела безопасности КОНРа Тензеровым — доцентом, математиком, настоящая его фамилия как будто Пузанов. В задачу отдела входило выявлять людей, враждебно настроенных к Власову, удалять их и обеспечивать работу учреждений и формирований, а также личная охрана Власова, связь с СД. Я к этому отделу имел прямое касательство и постоянно имел все рабочие сводки. Затем я у себя в отделе организовал контрразведку во главе с Чекаловым. Руководил разведкой лично я сам. В дивизиях были специальные офицеры для этой работы. Моя контрразведка была связана с штабом Кестринга, с представителями СС в лице Фосса. После издания манифеста мы приступили к формированию дивизий.

Председательствующий. А какие имелись задания от немцев по обороне Берлина и что вами было создано?

Подсудимый Трухин. Из СС получали на этот счет неоднократные приказания о формированиях. Было сформировано нечто вроде танково-истребительного отряда из 50 человек под командованием адъютанта Власова белоэмигранта Сахарова. Власов сам лично указывал, что и как формировать, а я это все выполнял. Позднее была попытка сформировать танково-истребительную бригаду под руководством Шаповалова.

Председательствующий. В апреле 1945 года была ли вами составлена программа о подготовке разведчиков?

Подсудимый Трухин. Да. Когда мой работник некто Гай доложил, что прежняя программа непригодна, то я рекомендовал ему переработать программу, что он и сделал, представив ее на мое утверждение.

Председательствующий. Что вы стали делать в связи с наступлением Красной Армии?

Подсудимый Трухин. Я пытался бежать на оккупированную англо-американскими войсками территорию, но не добежал, был схвачен. В мае 1945 года полковник Азберг и Поздняков были посланы к американцам для

ведения переговоров, но 5 мая 1945 года они вернулись с документом, в котором говорилось, что командование американской армии готово принять власовцев, но с условием, что они сдадут оружие и будут на положении военнопленных.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, кратко изложите суду, в чем вы признаете себя виновным.

Подсудимый Жиленков. Я признаю себя виновным перед Советской властью в том, что в 1941 году, попав в районе Вязьмы в окружение, я сдался немцам в плен и с ноября 1941 года под видом шофера Максимова вместе с другими шоферами до мая 1942 года служил в германской 252-й пехотной дивизии.

Тогда у меня не было умысла изменить своей Родине. Я лично сколотил группу из шоферов, которая под моим руководством проводила антигерманскую деятельность. В частности, нам удалось совершить несколько диверсий в тылу германских войск. При подготовке взрыва гжатского армейского склада я был предан лесником Гжатского лесничества Черниковым и был вместе с группой арестован немцами. На допросе у немцев мне было объявлено о том, что я буду расстрелян за антигерманскую деятельность. Проявив трусость и желая во что бы то ни стало спасти свою шкуру, я назвал свою действительную фамилию и выполняемую мною должность в Красной Армии — члена Военного совета 32-й армии, при этом изъявил готовность бороться против Советской власти.

Узнав мою действительную фамилию и должность в Красной Армии, немцы немедленно направили меня в штаб центрального фронта германских войск, где я дал согласие работать в пользу немцев и там же в мае 1942 года написал план создания на оккупированной немцами территории русского правительства, в котором предусматривалась организация борьбы против Советской власти. В этом меня поддержал полковник германского генштаба Ронне. После этого я был переведен на службу в отдел военной пропаганды вооруженных сил германской армии, где редактировал антисоветские брошюры и листовки, которые распространялись на фронте и в тылу действующих советских войск.

Затем, узнав о формировании немцами добровольческой бригады так называемой русской народной армии, я попросил об откомандировании меня в эту бригаду.

В августе 1942 года я был переведен в эту бригаду, дислоцирующуюся в местечке Осиндорф в 80-ти километрах от Смоленска, на должность начальника организационно-пропагандистского отдела. Командиром данной бригады, комплектовавшейся исключительно из антисоветских элементов, был изменник Родины полковник Красной Армии Боярский. В этой же бригаде я познакомился с белоэмигрантами Сахаровым и Ивановым.

Еще и здесь я не был окончательно антисоветским человеком. Всею своей деятельностью я препятствовал использованию бригады для борьбы с партизанами, и, в частности, когда поступил приказ командующего центрального фронта немцев фельдмаршала фон Клюге выступить всем составом бригады в район Великих Лук для участия в боях против войск Красной Армии, я сорвал этот приказ, и бригада не была использована в боях. За это я и Боярский были арестованы немцами и приговорены к расстрелу, но, будучи вызван полковником генерального штаба Ронне, я дал последнему клятву искупить свою вину перед немцами, и он взял меня на поруки.

После этого я был откомандирован в Берлин, где встретился с Власовым, занимавшимся организацией русского комитета. Я вошел в состав комитета, подписал обращение этого комитета и приступил к изданию антисоветской газеты «Доброволец», распространявшейся среди военнопленных, а также выступал с лекциями на курсах фашистских пропагандистов в Дабендорфе.

Председательствующий. В чем заключалась ваша работа как начальника организационно-пропагандистского отдела так называемой добровольческой бригады?

Подсудимый Жиленков. Там я издавал антисоветскую газету «Родина» и выступал на ее страницах со статьями враждебного для СССР содержания. Также неоднократно выступал перед личным составом бригады с призывами к свержению Советской власти.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, продолжайте свои показания.

Подсудимый Жиленков. В 1943 году по рекомендации белоэмигрантов Сахарова и Иванова я был послан как представитель русского комитета в г. Псков для формирования так называемой гвардейской ударной бригады РОА с целью последующего использования ее в качестве базы для подготовки террористов и диверсантов. Там же я составил план формирования гвар-

дейской ударной бригады, в котором предусматривалась заброска в тыл Красной Армии террористов, шпионов диверсантов для проведения антисоветской подрывной деятельности. Этот план имеется в качестве вещественного доказательства в моем деле.

Наряду с проводимой мною антисоветской деятельностью я все же старался, чтобы гвардейская ударная бригада не была направлена для борьбы с партизанами и на фронт против войск Красной Армии. Это мне удалось, и вскоре бригада была расформирована. Это я говорю не для того, чтобы умалить свою вину, ибо вина моя перед Родиной слишком уж велика, и я готов нести за нее ответственность.

По расформировании бригады я был откомандирован в Берлин, где написал докладную записку на имя Гимmlера, в которой доказывал необходимость передачи всех антисоветских формирований, находящихся в Германии, в распоряжение Власова и русского комитета.

В июне 1941 года по приказанию фельдмаршала Рундштадта я был командирован во Францию для поднятия боевого духа добровольческих частей.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, почему полковник генерального штаба германских войск Ронне, зная вашу принадлежность к Коммунистической партии, взял вас на поруки? Чем вы заслужили такое доверие?

Подсудимый Жиленков. Он, по-видимому, хотел использовать меня, как и других бывших генералов и офицеров Красной Армии, изменивших Родине, для своих целей, т. е. по усилению борьбы с частями Красной Армии.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, когда вами была составлена докладная записка германскому командованию об организации комитета освобождения Родины и создания русской народной армии?

Подсудимый Жиленков. Этот документ был написан мною в 1942 году в период моего пребывания в русской национальной армии, дислоцировавшейся в районе Смоленска.

Председательствующий. Кем был составлен текст этой гнуснейшей докладной записки?

Подсудимый Жиленков. Лично мною и полковником Боярским.

Председательствующий оглашает выдержки из до-

кладной записки Жиленкова германскому командованию и спрашивает подсудимого Жиленкова: это ваша редакция?

Подсудимый Жиленков. Да, это моя редакция.

Председательствующий. Для чего вы написали этот гнуснейшего содержания документ?

Подсудимый Жиленков. Для того, чтобы этот документ попал лично Гитлеру и я мог заручиться доверием у немцев.

Председательствующий. Для того, чтобы лучше бить Красную Армию?

Подсудимый Жиленков. Нет, я тогда еще не был окончательно антисоветским человеком. Я хотел, чтобы русские национальные соединения в Германии не были использованы немцами против войск Красной Армии. Этим документом я преследовал цель, чтобы меня и Боярского не отстранили от руководства этими соединениями.

Председательствующий. Ценой гнуснейшей клеветы и провокаций в отношении Советской власти и Советского правительства?

Подсудимый Жиленков. Правильно, я не отрицаю гнусности этой докладной записки, но я писал ее с целью, о которой уже говорил суду.

Председательствующий. Почему вы подписывались как генерал-лейтенант? Разве немцы присвоили вам это звание?

Подсудимый Жиленков. Мне было сказано, что бригадный комиссар приравнивается к званию генерал-лейтенанта, а поэтому я так и подписывался.

Председательствующий. Кем был подписан план подготовки гвардейской ударной бригады?

Подсудимый Жиленков. Был подписан лично мною и командиром этой бригады — белоэмигрантом полковником Ивановым.

Председательствующий. Этот план был написан вами ровно через восемь месяцев после написания докладной записки с гнуснейшим ее содержанием?

Подсудимый Жиленков. Да.

Председательствующий. Цель этого так называемого плана подготовки гвардейской ударной бригады — подготовка террористов и диверсантов для заброски в тыл войск Красной Армии?

Подсудимый Жиленков. Да, но этот план не был осуществлен.

Председательствующий. Лично разработанный вами план подготовки террористов был представлен гестапо?

Подсудимый Жиленков. Мой план подготовки террористов и диверсантов был направлен в имперский отдел безопасности. Я полностью признаю всю гнусность своего преступления.

Председательствующий. Какой период времени вы находились во Франции и какую там проводили работу?

Подсудимый Жиленков. Во Франции и Бельгии я находился около одного месяца, где совершил поездки по добровольческим батальонам, созданным немцами из военнопленных и входившим в состав германской армии. Там я призывал солдат и офицеров этих батальонов к вооруженной борьбе против Советского Союза.

Председательствующий. В чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Жиленков. По возвращении из командировки я был вызван Власовым, где он в присутствии представителей германского отдела военной пропаганды капитанов Штрикфельда и Деликгсхаузена сказал мне, что я должен буду выехать на Восточный фронт, чтобы своей антисоветской деятельностью помочь русскому комитету в развертывании им своей работы. После этой беседы Штрикфельд представил меня доверенному Гимmlера — полковнику СС Далькену. 13 июня 1944 года я вместе с группой пропагандистов выехал в район Львова в распоряжение Далькена, который исполнял там должность начальника специальной пропагандной бригады Гимmlера. В районе Львова я организовал издание антисоветской газеты «За мир и свободу», опубликовал ряд клеветнических брошюр и листовок за своей подписью, которые затем разбрасывались немцами с самолетов над расположением частей Красной Армии. Через две недели началось наступление войск Красной Армии, и я с группой пропагандистов возвратился в Берлин. В период совместного моего пребывания в районе Львова с представителем Гимmlера Далькеном я уговорил последнего помочь Власову встретиться лично с Гимmlером. Он обещал мне, и вскоре такая встреча состоялась.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, вы являлись автором манифеста так называемого комитета освобождения народов России?

Подсудимый Жиленков. Для разработки манифеста была создана редакционная комиссия, председателем

которой был избран я. Участие в подготовке проекта манифеста КОНРа принимали: Малышкин, Трухин, Закутный, Ковальчук и Зайцев. Я лично принимал активное участие в отработке проекта манифеста. После того как проект манифеста был составлен, он был дан для просмотра Гиммлеру, который сделал несколько поправок, в частности, в проект манифеста лично внес фамилию Сталина и упомянул правительства Англии и Америки. После чего манифест был утвержден Гиммлером.

Формально манифест КОНРа был принят на первом заседании комитета освобождения народов России в Праге 14 ноября 1944 года, где участвовало около 200 человек гостей, представителей разных немецких организаций, белоэмигрантов и 50 человек членов комитета. На этом заседании присутствовал представитель Гиммлера — Франк.

Председательствующий. С какой целью было открыто заседание комитета в Праге, причем так торжественно?

Подсудимый Жиленков. Все это затея немцев, на средства которых проводилось это заседание. В Праге же было организовано заседание с целью показать, что комитет якобы независим от немцев. К тому же некоторые члены комитета не верили в победу Германии над СССР и мечтали в будущем перейти на сторону англо-американских войск для проведения своей антисоветской деятельности.

Председательствующий. Имели ли вы лично встречи с Геббельсом?

Подсудимый Жиленков. Накануне падения Берлина Власов и я были вызваны Геббельсом. Это было примерно в конце февраля — начале марта 1945 года. При этой встрече Геббельс обещал нам оказать материальную помощь для усиления пропагандистской антисоветской деятельности. Кроме того, он подбадривал нас тем, что скоро германское командование применит новый вид оружия, который сыграет решающую роль в победе над Красной Армией. Никаких других установок мы от Геббельса не получили и мало верили в его обещания.

Председательствующий. Что вам известно о разведывательной и контрразведывательной работе КОНРа?

Подсудимый Жиленков. Я лично никакого отношения к этой работе не имел, но мне было известно, что по

указаниям Власова обвиняемым Малышкиным был создан отдел безопасности, занимавшийся разведывательной и контрразведывательной работой, начальником которого являлся вначале изменник Родины Кулагин, а затем член КОНРа Тензеров.

Я лично в апреле 1945 года вместе с Власовым и Мальцевым присутствовал на первом выпуске агентов из разведшколы КОНРа, размещавшейся в лесу, в районе г. Мариенбада.

Я лично отговаривал Власова ехать на выпуск разведчиков, так как считал неудобным председателю комитета заниматься такими делами. Он не послушал меня, и мы поехали. Там Власов произнес речь, в которой призывал агентов твердо верить в победу РОА.

Также мне известно, что такая же школа была в Братиславе, возглавляемая белоэмигрантом Ивановым, а затем, в связи с наступлением войск Красной Армии, она была эвакуирована в Вену.

О том, что Власов утверждал смертные приговоры, я узнал лишь из материалов дела.

Что же касается предъявленного мне обвинения в том, что я являлся агентом гестапо, то это обвинение совершенно не отвечает действительности, ибо я был руководящим участником антисоветской деятельности, а не осведомителем гестапо. К тому же вся практическая деятельность КОНРа направлялась и руководилась Гиммлером, берлинским гестапо.

Подсудимый Власов. Подсудимый Жиленков не совсем точно рассказал суду о своей роли в его связях с СС. В частности, он показал суду, что лишь по моему указанию он связался с представителем СС. Это не совсем так. Жиленков первый имел связь с представителями СС, и именно благодаря его роли я был принят Гиммлером. До этого Гиммлер никогда меня не принимал.

Подсудимый Жиленков. Я не отрицаю показаний Власова, но хочу сказать, что только после моей поездки в район Львова и установления связи с представителем Гиммлера Далькеном при посредстве последнего нам удалось организовать встречу Власова с Гиммлером. Мне было известно, что Гиммлер называл Власова перебежавшей свиньей и дураком. На мою долю выпала роль доказать Далькену, что Власов не свинья и не дурак. Так, при моем активном участии была организована встреча Власова с Гиммлером.

Председательствующий. Подсудимый Жиленков, как вы установили преступную связь с американской разведкой?

Подсудимый Жиленков. Я был командирован Власовым в Италию для установления связи с белоказаками. В связи с создавшейся военной обстановкой я вынужден был остановиться в Тироле, куда через некоторое время прибыли американские войска. При встрече с американцами я обратился к ним с просьбой о принятии под их опеку членов КОНРа. Американцы меня и Малышкина пленили. Так я оказался на территории, оккупированной американцами. Там я начал искать себе нового хозяина и стал писать для американской разведки секретные сведения о Советском Союзе, а также написал ряд клеветнических документов о послевоенной политике ВКП(б) и Советского правительства. Кроме того, написал биографии и клеветнического содержания справки на некоторых лиц, интересовавших американскую разведку.

Председательствующий. Значит, и в зоне американских войск вы не прекращали своей антисоветской деятельности?

Подсудимый Жиленков. Да. Не прекращал этой деятельности, потому что хотел уйти от ответственности перед советским правосудием за совершенные мною преступления против партии и Советского правительства.

На вопросы члена суда Данилова подсудимый Жиленков ответил: После встречи Власова с Гиммлером последний поручил Власову, в целях усиления вражеской работы против СССР, объединить вокруг комитета все антисоветские формирования, существовавшие в Германии и на территории, оккупированной немецкими войсками. С этой целью Власов, Малышкин и я вели переговоры с руководителями различных националистических организаций, ОУН* и другими о вхождении их в состав КОНРа. В частности, представитель ОУН Бандера заявил нам, что он с «москалями» работать не будет.

Я признаю, что комитет освобождения народов России по существу, является сбродом бандитов и ярых антисоветчиков.

На вопросы члена суда Каравайкова подсудимый Жиленков ответил: В ряды Красной Армии я был при-

* Организация украинских националистов.

зван в июне 1941 года, и сразу же мне было присвоено звание — бригадный комиссар. В должности члена Военного совета 32-й армии я проработал лишь около 6 месяцев, а затем был пленен немцами и впоследствии оказался отъявленным врагом Советской власти.

Как член Военного совета я часто выполнял свою роль, призывал бойцов честно бороться против немцев и в плен к ним не сдаваться. Сам же оказался двурушником и предателем Родины. В этом я признаю себя полностью виновным.

Струсив и боясь за свою шкуру, я дал согласие немцам работать против СССР. За предательскую деятельность мне ничего немцы не обещали. Служил им я не идейно, а потому, что боялся ответственности перед Родиной за совершенные мною перед ней преступления.

От советского суда я ничего не скрываю и в процессе предварительного следствия честно рассказал о всей своей и других лиц антисоветской деятельности.

Председательствующий. Подсудимый Закутный, свои показания, данные в процессе предварительного следствия, вы подтверждаете?

Подсудимый Закутный. Полностью подтверждаю.

Председательствующий. В чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Закутный. Я полностью признаю себя виновным по всем пунктам предъявленных мне обвинений.

Председательствующий. Расскажите кратко суду, в чем конкретно вы признаете себя виновным?

Подсудимый Закутный. Попав в окружение и впоследствии в плен к немцам, я отвечал на все вопросы, которые мне задавались немцами на допросах. В Лодзинском лагере военнопленных я отвечал немцам на вопросы, главным образом касающиеся политической жизни в СССР. Затем меня перевезли в Берлин, где немцы предъявили мне документы об укрепленных районах Северо-Кавказского фронта и секретное наставление. Просили дать правдивые показания. Я ответил немцам и, таким образом, выдал немцам известные мне данные об укрепленных районах СССР. Так началось мое падение.

Дальнейшее мое падение заключается в том, что я дал согласие о переводе меня в особый лагерь военнопленных, где проводилась идеологическая обработка военнопленных генералов и офицеров Красной Армии под

руководством белоэмигранта Байдалакова. Последний неоднократно обрабатывал меня в антисоветском духе и предлагал войти в состав антисоветской белогвардейской организации национал-трудовой союз «Новое поколение». Я отказался от вступления в эту организацию по мотивам, что мне, как бывшему члену ВКП(б) с большим партийным стажем, не будет доверия, ибо у меня осталась идеология, против которой боролась организация, возглавляемая Байдалаковым. Но я занимался антисоветской агитацией и пропагандой, которую проводил среди военнопленных солдат и офицеров Красной Армии.

По ходатайству Байдалакова я был освобожден из лагеря и в феврале 1943 года поступил на службу в отдел восточной пропаганды германского министерства пропаганды, именовавшийся «Винета». Там я просматривал антисоветские брошюры и листовки, предназначенные для распространения среди советских военнопленных и мирных советских граждан, насильно угнанных в Германию, и давал свое заключение по ним, т. е. понятна ли будет та или иная антисоветская листовка читателям, своевременна ли она, и тому подобное.

Работая в «Винете», я был тесно связан с активным участником контрреволюционной организации — изменником Родины профессором Минаевым, который в период формирования КОНРа поручил мне войти в состав комитета и наблюдать за деятельностью членов последнего, о чем докладывать лично ему, Минаеву. По указаниям Минаева я вступил в комитет, принимал участие в составлении проекта манифеста комитета и впоследствии, будучи руководителем гражданского управления комитета, привлек в комитет ряд бывших советских научных работников.

Председательствующий. Почему именно на вас лично возложили руководство гражданским управлением комитета?

Подсудимый Закутный. Поскольку я работал в «Винете», где имелось очень много гражданских лиц, Власов поручил мне провести работу среди них по вовлечению их в комитет для проведения антисоветской деятельности. Его задание я выполнил. Таким образом, я совершил новое тягчайшее преступление перед Родиной: не только сам лично изменил ей, но и привлек к антисоветской деятельности других лиц, возможно, и не думавших до этого об измене своей Родине.

Председательствующий. В чем заключались ваши функции как руководителя гражданского управления комитета?

Подсудимый Закутный. В функции гражданского управления комитета входило улучшение правового и материального положения советских граждан, угнанных на работы в Германию. В частности, после первого так называемого пражского заседания комитета я написал немецким властям докладную записку о положении советских граждан в Германии, просил улучшить их правовое и материальное положение. Этим я хотел заручиться поддержкой этими гражданами деятельности КОНРа. Конечно, немцы ничего в этом направлении не сделали, так как сами стояли накануне полнейшего их разгрома.

Председательствующий. Почему вы, бывший член партии с 1919 года и генерал Красной Армии, скатились в это болото контрреволюции?

Подсудимый Закутный. В первые дни войны, когда немцы занимали нашу территорию, я потерял веру в победу советского оружия. Затем, когда я попал в плен и мне угрожали расстрелом, если я не буду работать в пользу немцев, я струсил и так оказался изменником своей Родины. В данное время я не могу отрицать своей предательской и шпионской работы, так как все это полностью подтверждается всеми материалами моего дела и, в частности, моими показаниями, данными немцам в период моего пленения, моей активной антисоветской деятельностью, проводимой как членом комитета, которым руководило берлинское гестапо.

В своих показаниях, данных немцам при моем пленении, я оклеветал честных советских граждан, в чем также признаю себя виновным.

На вопросы члена суда Каравайкова подсудимый Закутный ответил: Совершенно верно, работая в германском министерстве пропаганды, я, по существу, являлся корректировщиком антисоветских листовок и брошюр, и это я не отрицаю.

Комитет освобождения народов России ставил перед собой основной целью свержение Советской власти путем вооруженного выступления, террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, шпионажа и диверсий.

По существу, я оказался идейным врагом своего народа, так как полностью разделял антисоветский мани-

фест КОНРа и проводил вербовку новых лиц в комитет.

Подсудимый Власов. Я хотел бы внести некоторые поправки в показания Закутного. Он показал, что по указаниям Минаева вступил в комитет с целью контроля его работы. Между тем он ничего не сказал о том, что именно он завербовал в комитет до 60 процентов членов этого комитета и, в частности, из состава интеллигенции, которой я лично не располагал.

Подсудимый Закутный. Я не отрицаю показаний Власова.

На последующие вопросы члена суда Каравайкова Закутный ответил: В апреле 1945 года по заданию Власова я остался в американской зоне оккупации. При этом Власов выдал мне удостоверение о том, что я уполномочен комитетом освобождения народов России вести переговоры с командованием американских войск о предоставлении КОНРу убежища в американской зоне оккупации.

В своих собственных показаниях, данных в процессе предварительного следствия, я не забыл назвать ни одного предателя и изменника Родины.

Председательствующий. Подсудимый Благовещенский, в чем лично признаете себя виновным?

Подсудимый Благовещенский. Я признаю себя виновным в том, что 6 июля 1941 года после тщетных попыток выйти из леса я попал в плен к немцам. На первом допросе на вопрос немцев о системе обороны в районе г. Либавы я ответил, что никаких оборонительных сооружений в районе г. Либавы не строилось. Остались прежние оборонительные сооружения, оставшиеся еще от империалистической войны. Я не считаю это военной тайной, так как г. Либава был уже занят немцами. То же самое я рассказал о состоянии кавказского укрепленного района, и это мое признание равносильно тому, что «вода в Черном море соленая». Таким образом, я не считаю себя виновным в выдаче немцам секретных сведений о состоянии кавказского укрепленного района и системы обороны в районе г. Либавы.

На вопросы члена суда Данилова Благовещенский ответил: Будучи в лагере военнопленных, я был дважды сильно избит немцами. В связи с этим наивно я думал и «невинность сохранить, и капитал на этом нажить», а поэтому принимал участие в антисоветских разговорах, проводимых Закутным, Трухиным, Зыбиным и другими бывшими генералами и офицерами Красной Ар-

мни, попавшими в плен к немцам. Обычно инициатором всех антисоветских разговоров являлся Трухин.

Затем в декабре 1941 года я совместно с Егоровым и Зыбиным составили обращение в адрес германского командования, в котором просили разрешить нам сформировать русские части для борьбы против большевиков. На это обращение немцы ответили нам через капитана германской разведки — Зиферта о том, что для этой цели уже создан Мальцевым и другими изменниками Родины комитет так называемой русской трудовой народной партии. Тогда же Зиферт предложил нам вступить в этот комитет. Я дал свое согласие и был принят в члены РТНП, а затем вошел и в состав ее центрального комитета и одновременно исполнял должность начальника военного отдела. Как начальник военного отдела, я создал комиссию для проверки военной квалификации военнопленных командиров Красной Армии. По существу, во время этой проверки производилась вербовка новых членов в РТНП. Боясь репрессий, около 75 процентов военнопленных изъявили свое желание участвовать в вооруженной борьбе против Советской власти.

В антисоветской газете «За родину» я поместил две-три статьи. Одна из них была самого гнусного антисоветского содержания.

В сентябре 1942 года я был назначен начальником школы, созданной немцами для подготовки фашистских пропагандистов. Подобных кадров я лично не готовил, так как я принял физически слабых мальчишек, которые через два месяца были отправлены на сельскохозяйственные работы, а школа ликвидирована.

На курсах пропагандистов я лекций не читал, и в этой части показания Карабанова совершенно не отвечают действительности, что может подтвердить подсудимый Малышкин.

Подсудимый Малышкин. Благовещенский в данной школе лекций не читал.

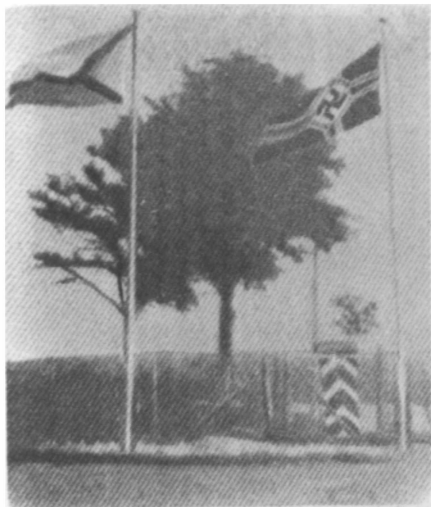
Подсудимый Благовещенский. После ликвидации школы молодежи по предложению представителя отдела пропаганды верховного командования германских вооруженных сил капитана Штрикфельда я стал работать редактором антисоветской газеты «Клич», впоследствии переименованной мною по указанию Власова в «Зарю». В этот период времени, примерно в конце 1942 года, я первый раз встретился с Власовым.

А. А. Власов рассказывает генералу Линденману, командующему 18-й немецкой армией дислокацию войск Волховского фронта. 1942 г.

А. А. Власов, Жиленков и Е. Крегер на приеме у И. Геббельса
осенью 1944 г.

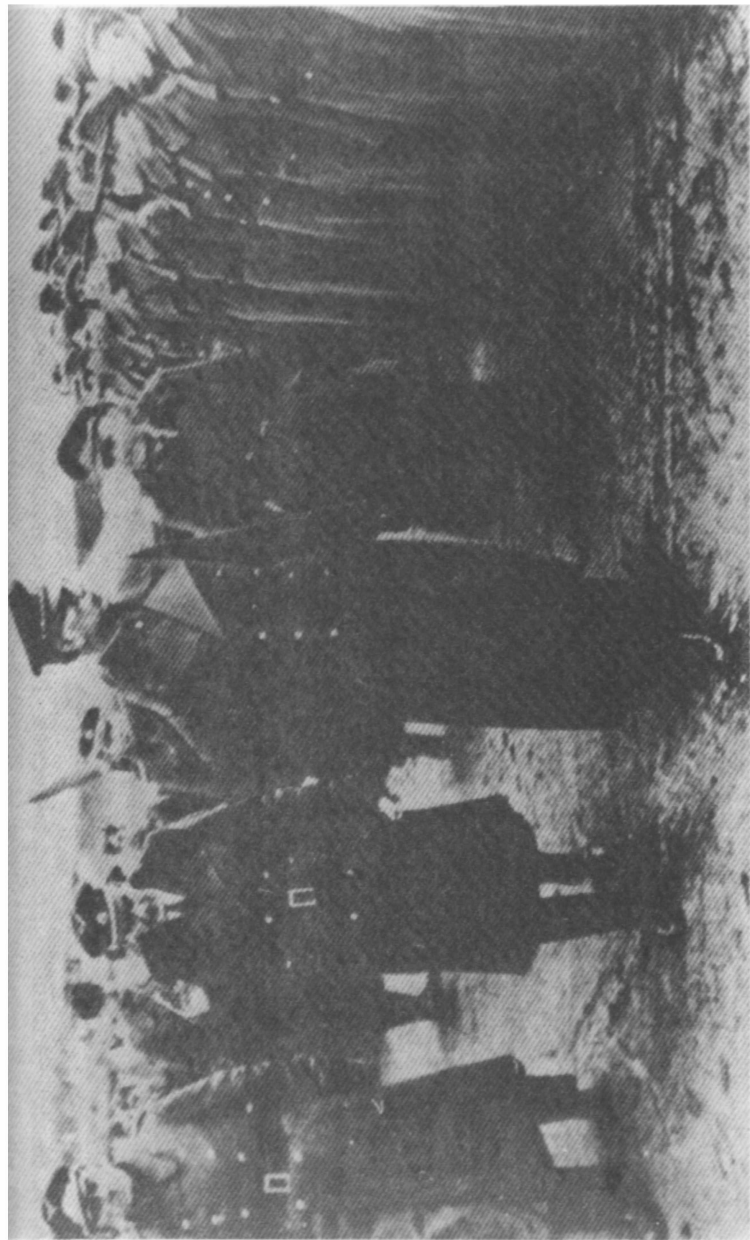
Андреевский стяг
власовцев и фашист-
ский флаг в одной из
частей РОА.

И. Геббельс обходит строй власовцев.

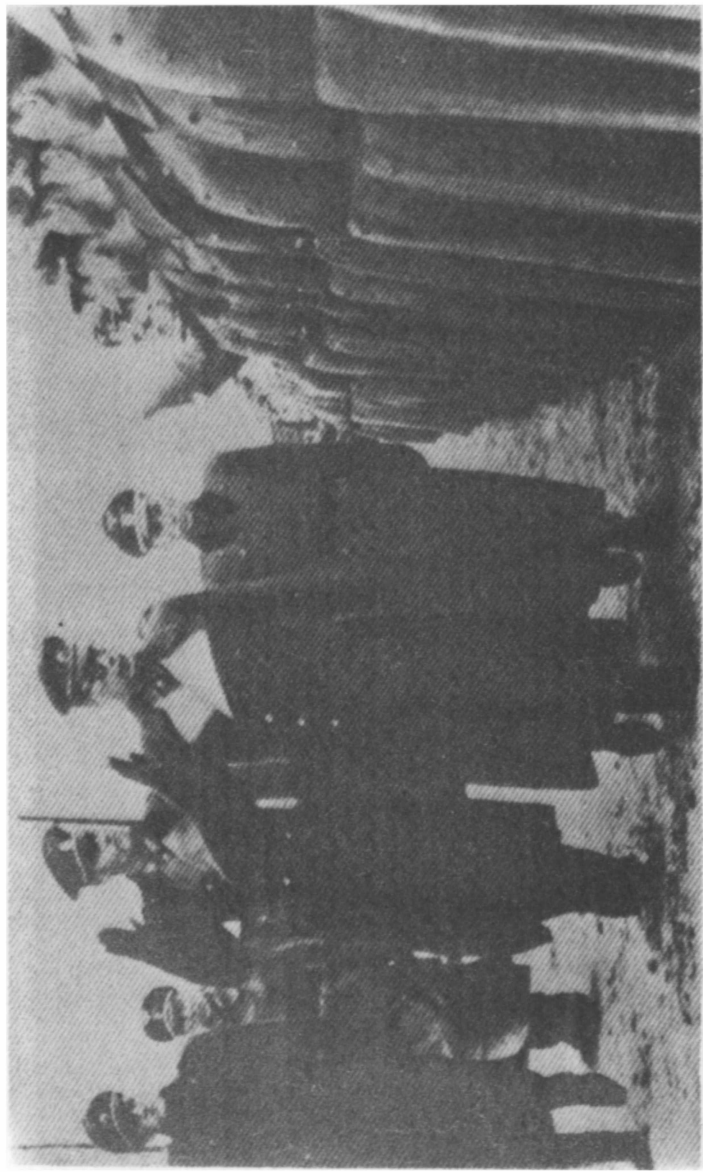

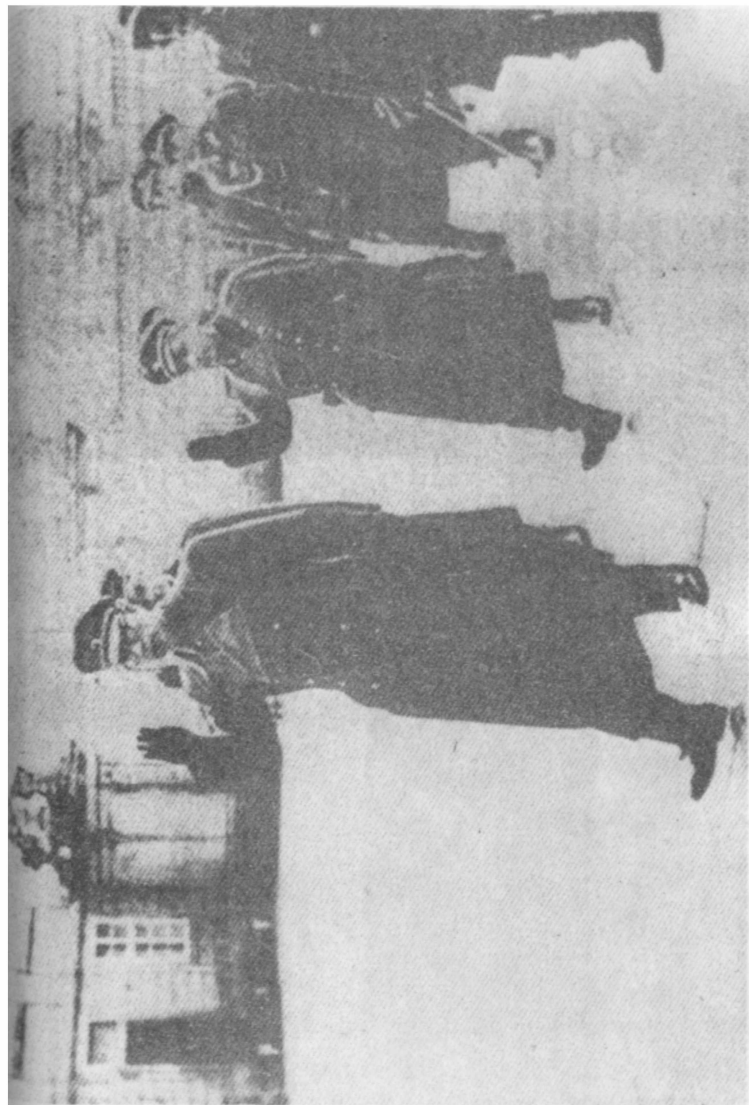
Командующий ВВС РОА В. И. Мальцев (справа).

А. А. Власов и В. И. Мальцев обходят строй летчиков РЧА.

А. А. Власов в школе пропагандистов РОА в Дабендорфе (слева от него немецкий офицер Штрик — Штрикфельд и начальник школы Ф. А. Трухин. 1943 г.

Власовцы в Чехословакии. 1944 год.

Трухин — начальник штаба РОА. 1944 г.

Протоиерей А. Киселев и дьякон Мельников благословляют власовцев. 18 ноября 1944 г., г. Берлин.

М. А. Меандров.

Валентин
М. Ю. Соколов и др.

Заседание Комитета Освобождения народов
России. Пражский град, 1944 г.

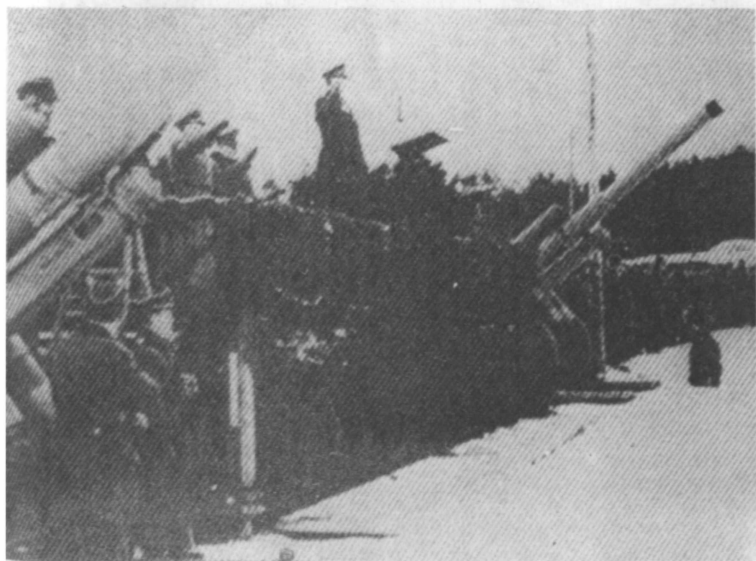

А. А. Власов, Г. Ашенбрёнер и Ф. А. Трухин на встрече с восточными рабочими, Берлин 1945 г.

Белогвардеец
И. К. Сахаров и вла-
совец Г. Н. Жиле-
ков.

А. А. Власов принимает парад.

Десантники РОА.

На параде. 1-ая дивизия РОА. 1945 г.

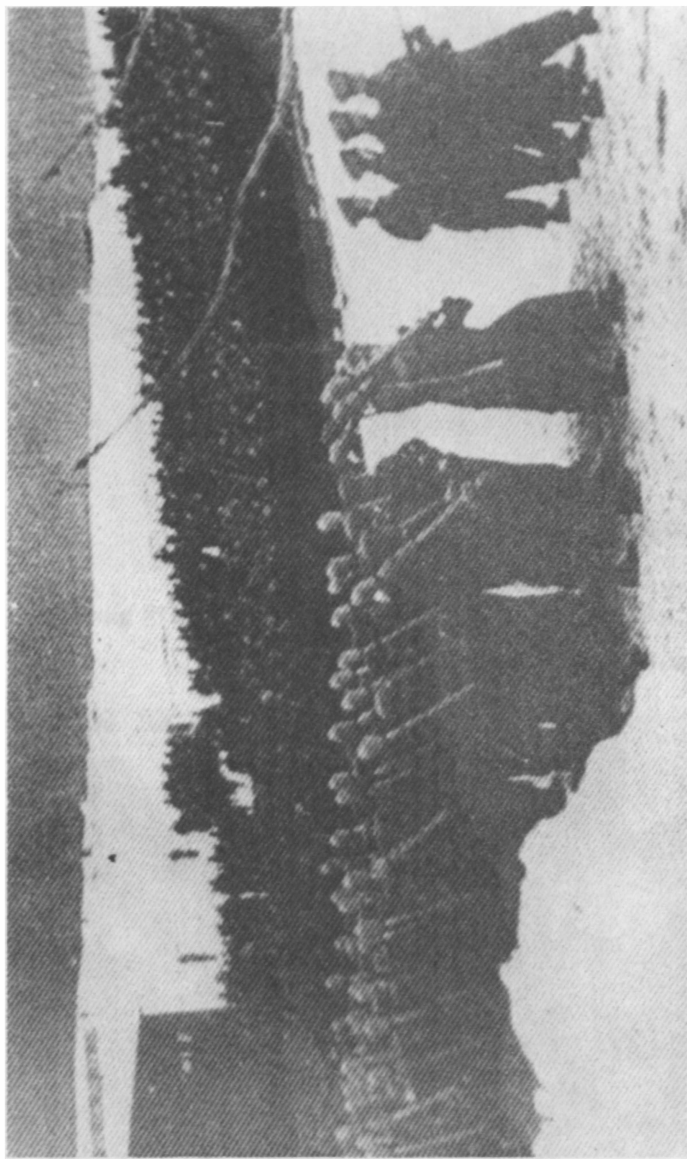
А. А. Власов объезжает войска. Февраль, 1945 г.

Солдаты РОА на параде. Февраль, 1945 г.

А. А. Власов и его окружение. 1944 г.

Власовцы на марше.

Депортация власовцев в СССР из американского лагеря военнопленных. Февраль. 1946 г.

В начале 1943 года я и все остальные работники редакции газеты «Заря» приняли присягу на верность русскому комитету. Присягу принимал начальник отдела пропаганды верховного командования германских вооруженных сил полковник немецкой армии Мартин в присутствии Штрикфельда и Власова. После чего полковник Мартин произнес поздравительную речь.

После принятия присяги я был одет в форму немецкого генерала и получил повышение по службе: был назначен начальником курсов пропагандистов РОА. При непосредственном моем участии было выпущено около полутора тысяч пропагандистов.

После состоявшейся встречи Власова с Гиммлером было объявлено об организации КОНРа, задачи которого мне были хорошо известны, но я лично в комитет не входил и членом его не был, но по предложению Жиленкова был назначен Власовым начальником идеологической группы управления пропаганды КОНРа.

Бронзовую медаль «За отвагу» II класса я получил от немцев за хорошую работу в должности начальника курсов пропагандистов РОА. Медаль мне вручил лично Малышкин.

Подсудимый Малышкин. Подсудимый Благовещенский был награжден отделом пропаганды верховного командования германских вооруженных сил за хорошо проведенную им работу по выпуску пропагандистов РОА. Медаль я получил для вручения Благовещенскому от капитана Штрикфельда.

Подсудимый Благовещенский. В связи с наступлением войск Красной Армии я вместе со всем составом идеологической группы выехал из Берлина в Карлсбад, а затем, по указанию Жиленкова, под руководством которого я должен был работать по разработке теоретических основ и программы КОНРа, я переехал в Мариенбад.

В апреле 1945 года я был вызван Жиленковым в Карлсбад на совещание, где он заявил, что КОНР должен уйти в подполье и продолжать свою работу. После совещания я выехал в Мариенбад, куда вскоре приехал Власов, и, так как немцы меня выгоняли из Мариенбада, я получил от Власова удостоверение о том, что я являюсь представителем КОНРа и остаюсь в Мариенбаде для оказания помощи остающимся в Мариенбаде русским гражданам. Данное удостоверение было написано с одной стороны на немецком языке — для нем-

цев, и с другой стороны на английском языке, на случай прихода в Мариенбад англичан или американцев.

Из Мариенбада я никуда не выезжал. В Мариенбад вошли американские войска, а вскоре я был арестован органами Советской власти.

В подтверждение антисоветской деятельности некоторых из подсудимых Военная коллегия определила: просмотреть документальный кинофильм о заседании комитета от 14 ноября 1944 года в г. Праге и выступлении Власова на собрании в Берлине.

После просмотра фильма на вопросы председательствующего ответили:

Подсудимый Жиленков. Я жил у немцев неплохо, а поэтому и имел такой выхоленный вид немецкого генерала, который вы видели при просмотре документального фильма заседания комитета.

Подсудимый Трухин. Когда я находился в президиуме, занятом немцами для проведения агитационной работы в фильме, который вы только что просмотрели, я не думал о том, что мне сегодня придется сидеть на скамье подсудимых перед советским правосудием. Но я знал, что когда-либо мне все-таки придется отвечать за свои преступления перед Родиной.

Подсудимый Власов. Когда я скатился окончательно в болото контрреволюции, я уже вынужден был продолжать свою антисоветскую деятельность. Я должен был выступать в Праге. Выступал и произносил исключительно гнусные и клеветнические слова по отношению к СССР. Все это я сейчас просмотрел и прослушал из кинофильма и первый несу полную ответственность за это.

Подсудимый Буняченко. Первой дивизией, сформированной Власовым, командовал лично я. Дивизия была вооружена 12 танками Т-34, 100 орудиями, винтовками и автоматами. По существу, дивизия, которой я командовал, была вооружена лучше, чем немецкие дивизии.

Председательствующий. Подсудимый Власов, а теперь в общих чертах расскажите суду, в чем вы конкретно признаете себя виновным?

Подсудимый Власов. Я признаю себя виновным в том, что, находясь в трудных условиях, смалодушничал, сдался в плен немцам, клеветал на советское командование, подписал листовку, содержащую призыв к свержению Советов, за мир с немцами, договорился с

немцами о создании комитета. Моим именем делалось все, и лишь с 1944 года я, до известной степени, чувствовал себя в той роли, которая мне приписана, и с этого времени и успел сформировать все охвостье, всех подонков, свел их в комитет, редактировал гнуснейший документ, формировал армию для борьбы с Советским государством, я сражался с Красной Армией. Безусловно, я вел самую активную борьбу с Советской властью и несу за это полную ответственность. Мне было в последнее время ясно, что Германия погибла, но я не решился идти к Советам. Правда, я не имел связи с Англией и Америкой, но я надеялся на поддержку с их стороны в части создания мне условий для продолжения антисоветской деятельности. Не бесцельно я оставлял Благовещенского и других, на которых я мог положиться в части продолжения борьбы с Советской властью. Именно мне принадлежит основная роль формирования охвостья в борьбе с Советской властью разными способами. Вообще все проводилось от моего имени, и я за это отвечаю. Если бы немцы сразу же, как я перешел к ним, разрешили мне действовать против Советов, то, безусловно, я был бы активным борцом.

Председательствующий. Подсудимый Трухин, расскажите суду коротко, в чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Трухин. Я признаю себя виновным перед Родиной, Советской властью и партией в том, что, сдавшись в плен, встал во главе борьбы с Советской властью, организовывал других, клеветал, вошел в трудовую партию, вошел в союз «Новое поколение», и все это в поисках путей борьбы с Советской властью. Я был идейным вдохновителем курсов в Дабендорфе, через мои руки прошло до 5 тысяч человек курсантов, которые готовились в антисоветском духе, я готовил вербовщиков, чтобы вести работу среди русских военнопленных и втягивать их в РОА. Лично я, по поручению немцев, объезжал все части РОА, действовавшие на территории Италии, моими выступлениями вводил эти части в заблуждение о роли, которую они играют, сулил им победу и счастливую жизнь в России. Я играл ведущую роль в КОНРе, и моя деятельность в этой организации была такой, что я недостоин называться именем человека. Я был начальником штаба РОА, и под моим руководством шло формирование школ разведчиков, подготовки офицеров, формирование воинских

единиц. Я принял все меры к тому, чтобы наши формирования не попали на советскую сторону, и всячески стремился перевести их в зону англо-американской оккупации. Я выступал в прессе с гнуснейшими антисоветскими статьями. Сам я, боясь ответственности, хотел перейти на англо-американскую сторону, но это мне не удалось. Я показал все, что я знал и что считаю необходимым показать, дабы помочь вскрыть гнойники, имевшие место.

Председательствующий. Подсудимый Малышкин, вы видели фильм, который ярко отражает вашу «деятельность»? Расскажите суду, как вы после этого формулируете вашу вину?

Подсудимый Малышкин. Я признаю себя виновным в следующих преступлениях: из-за трусости я сдался в плен к немцам, изменил Родине. Я выдал немцам секреты, составлявшие государственную тайну, а именно: указал состав армии, количество дивизий, ее фронт. Хильгеру в декабре 1941 года или в январе 1942 года я, исказив, сообщил некоторые сведения о выпуске академиков 5 мая 1941 года. В мае 1942 года я поступил на курсы пропагандистов и окончил их и, встав таким образом на путь открытой борьбы с Советской властью и партией, был помощником зондерфюрера, проводил занятия в группах. В декабре 1942 года перешел в отдел пропаганды вооруженных сил Германии, и отсюда начинается мое знакомство с Власовым, с которым я вошел в связь, являлся организатором комитета, подписал его обращение. Ведя активную антисоветскую агитацию, я выезжал в лагеря около Берлина и в Восточную Пруссию. Я участвовал в письменной агитации. Три моих доклада помещены в антисоветской печати — это доклад на антибольшевистской конференции в Дабендорфе, где я говорил по 13 пунктам обращения комитета *. В июле 1943 года я был в Париже и выступал на многолюдном митинге белогвардейцев, и мой доклад был помещен в белоэмигрантской газете. Доклад содержал отборную клевету на Советское правительство,

* Доклад В. Ф. Малышкина «Задачи русского освободительного движения» прозвучал на первой антибольшевистской конференции командиров и бойцов Красной Армии, ставших в ряды русского освободительного движения. По итогам конференции было принято «Обращение русского комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза», состоящее из 13 пунктов и заключающее в себе основную идею — свержение всех институтов Советской власти в СССР.

на партию, на русский народ. Мой доклад также был помещен в газете «Воля народа» в декабре 1944 года, когда я, после образования КОНРа, выступал перед гитлеровцами на конференции в Веймаре с докладом «Большевизм и Европа». Доклад был насыщен отборной инсинуацией на Советскую власть, партию, русский народ и его достижения. В 1944 году около 5 месяцев я провел в поездке по Бельгии, Голландии, Дании, Франции и вел здесь агитацию среди добровольческих батальонов, перед которыми ставил задачу бороться с Советской властью и ее союзниками. В октябре 1944 года я был активным участником организации КОНРа, я подбирал кандидатов в его состав, участвовал в редактировании манифеста, был начальником организационного управления комитета, в котором находились разведка и контрразведка и ряд других организаций. На пражском заседании я выступал с тем, о чем здесь уже сказал. Моя деятельность в разведке и контрразведке выразилась в том, что я руководил этим непосредственно, посылал Тензерова для контактирования работы с германской разведкой и особенно для согласования вопросов по заброске шпионов в СССР. С моего ведома Калугин организовал в Мариенбаде школу шпионов и диверсантов. Но этим моя преступная деятельность не ограничивается. После бегства в Фюссен я был инициатором сосредоточения РОА в Южной Баварии, мой план был принят, а сам я 29 апреля отправился к американцам с просьбой не выдавать нас Советской власти. Я, Власов, Жиленков, Закутный договорились о том, чтобы добиться у американцев их согласия на продолжение нами антисоветской борьбы. Находясь в плену у американцев, я занимался гнусной деятельностью: я имел связь с американской разведкой и выдал интересующие ее сведения, а именно, перечислил все военные академии в СССР, их назначение, пространно показал об Академии Генерального штаба и дал подробные данные о программах, кафедрах, видных деятелях академии. Я дал американской разведке сведения мобилизации порядка и в том числе данные о людских мобресурсах СССР. Я дал мой отзыв на маршала Конева, его биографические данные и подробно обрисовал служебные качества. Я не собирался возвращаться в СССР, и до последнего дня я убеждал американцев, что я злобный враг Советской власти, и просил их отпустить меня на свободу. У меня был полный стговор с

Жиленковым. И даже после капитуляции Германии и полного провала мы продолжали оставаться яркими и злостными врагами Советской власти, и я пытался продолжать мою гнусную борьбу. Как получилось, что я, состоявший больше 20 лет в партии и больше 22 лет служивший в Красной Армии, очутился в таком положении? В чем же дело? Я честно говорю, что до перехода на сторону немцев я не совершил ни одного преступления, но в тяжелой обстановке у меня не нашлось внутри стержня. Переломным годом был 1942 год — год немецких успехов, и это не могло не оказать на меня влияния. Я, свихнувшись, не имея внутренней опоры, оказался тряпкой, кислым интеллигентом, мной двигал животный страх. Моей деятельности трудно подобрать название, ей нет имени. Я жду самого сурового приговора.

Председательствующий. Подсудимый Мальцев, подтверждаете ли вы ваши показания, данные вами на предварительном следствии?

Подсудимый Мальцев. Да, все мои показания я подтверждаю. 8 ноября 1941 года я остался в Севастополе, явился в СС и заявил, что я обижен Советской властью и поэтому готов служить немцам. Мне предложили сотрудничать в немецкой разведке, и я начал с того, что в 1942 году написал клеветническую брошюру. Мне предложили проверить работу горуправы, после чего я получил пост городского головы г. Ялты, а позже я стал мировым судьей по гражданским делам. В 1943 году я решил поехать к Власову, и в этом немцы оказали мне содействие. В Германии я связался с немцем Иделем и уехал в Морицфельд и ждал своего использования. Я формировал восточную эскадрилью, подбирая ее личный состав и вообще участвовал активно в формированиях. В мае месяце меня специально возили в Кенигсберг для выступления по радио. Я лично составил воззвание к советским летчикам, призывая их переходить на сторону немцев. Я выступал по радио в годовщину Красной Армии с клеветой на Советскую власть. По радио я также выступал еще в Ялте и призывал население поддержать Власова. Я писал статьи в газету «Евпаторийские известия». Я выступал перед рабочими на заводе около Берлина по поводу снятия с русских знака «ОСТ»*. Я занимался пропагандистской работой

* Знак «ОСТ» означал — «восточный рабочий».

в лагерях. Я состоял в квалификационной комиссии, а потом переехал в Карлсбад и занимался формированием летных частей.

Председательствующий. А когда вам было присвоено звание генерал-майора авиации и кем именно?

Подсудимый Мальцев. О присвоении мне этого звания было объявлено Власовым и Ашенбреном.

Подсудимый Власов. Вношу ясность в этот вопрос — звание генерал-майора авиации Мальцеву было присвоено по устному распоряжению Геринга.

Подсудимый Буняченко. Я желаю уточнить вопрос о присвоении звания генерал-майора мне и Мальцеву. Присвоение состоялось по приказу Власова.

Подсудимый Мальцев. К апрелю месяцу формирования были закончены, и мои показания в этой части я полностью подтверждаю. Я также подтверждаю, что я обращался к американцам и получил от них согласие на сдачу в плен на условиях Женевской конвенции. Находясь в лагере военнопленных, я писал заявление об отправке на японский фронт. Я, конечно, возвращаться в СССР не собирался и об этом написал в моем заявлении американцам. А когда я узнал, что меня передают советским войскам, я перерезал себе бритвой правую руку, но это мне не помогло, и меня увезли в Париж. В КОНР меня кооптировали, о чем мне позвонил в феврале месяце 1945 года Жиленков.

Подсудимый Жиленков. Видимо, Мальцев путает. Он был представлен в комитет по рекомендации Ашенбренера как надежный работник, длительно сотрудничавший с немцами. Перед немцами Мальцев подбостричал, здесь он слишком скромно:

Подсудимый Мальцев. Я ничего не скрываю, я был активным контрреволюционным работником, но вот перед этими берлинскими владыками я спину не гнул.

Председательствующий. Подсудимый Буняченко, ответьте суду, подтверждаете ли вы ваши показания, данные на предварительном следствии, и в чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Буняченко. Показания мои я подтверждаю полностью, а виновным себя признаю в том, что 17 декабря 1942 года я добровольно перешел на сторону немцев, я выдал немцам интересовавшие их секреты, я выдал немцам военную тайну. Весной 1943 года я ознакомился с воззванием Власова, и для этого я был вызван комендантом немецкого лагеря в Херсоне, который

предложил мне изложить свое отношение к переходу на сторону Власова. Я дал свое согласие уехать к Власову. Я поступил в РОА и находился в ее рядах, готовя офицерские кадры, активно проявлял себя как преподаватель тактики в Кировоградской школе. 9 июня 1943 года я дал присягу на верность Гитлеру и Власову. Потом я был офицером связи при 7-й армии во Франции, там же занимался преподавательской работой и инспектировал части, находившиеся на охране «Атлантического вала». Я взял на себя обязанность сформировать первую дивизию РОА и проявил в этом деле большую активность, за что и был награжден немцами. Громадную работу я проделал во Франции по выявлению и концентрации русских добровольческих остатков и за это был награжден железным крестом II степени, как за большую услугу немцам в борьбе с Советской властью. Я был кооптирован в КОНР, подписал манифест. Я находился длительное время в прифронтовой полосе и направлял работу двух батальонов, занимавшихся разведкой. Вместо того чтобы сдать дивизию советским войскам, я увел ее в нейтральную зону и добивался, чтобы англо-американцы взяли нас под свое покровительство. За мою работу от немцев я имел две бронзовые медали, одну серебряную медаль, Железный крест II степени, а в 1945 году был произведен в генерал-майоры.

Председательствующий. Подсудимый Зверев, подтверждаете ли вы ваши показания и признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Зверев. Показания полностью подтверждаю и признаю себя виновным в том, что в июне 1943 года добровольно вступил в РОА, изменил советскому народу и Родине, в Дабендорфе посещал антисоветские доклады и лекции, а потом занимался инспектированием, а позднее находился в группе Благовещенского, ездил по лагерям для оказания помощи пропагандистам в их работе. Был со специальным заданием в Ганновере и в Норвегии. При посещении лагерей военнопленных занимался антисоветской агитацией. По заданию Трухина в ноябре 1944 года был в Норвегии, провел там большую вербовочную работу и привез в декабре в Берлин до 294 человек офицеров и солдат. Я формировал вторую дивизию РОА, командовал ею и руководил боевой подготовкой. Численный состав дивизии доходил до 20 тысяч. Наград от немцев за мю

работу я не имел, но мне было присвоено звание генерал-майора.

В 14 часов 15 минут судебное заседание возобновлено с допроса подсудимого Зверева, который показал, что он, разъезжая по лагерям, проводил в жизнь установки, полученные от Благовещенского и Делингауза. Благовещенский требовал строгой постановки пропагандистской работы, рекомендовал проверять рабочие планы пропагандистов, а на все вопросы, какие будут ставить советские военнопленные, отвечать только в духе тринадцати власовских пунктов, а также пользоваться данными, помещаемыми в газете «Заря». В своих выступлениях больше всего упор делал на популяризацию власовских пунктов, т. е. заострял внимание на необходимости беспощадной борьбы с Советской властью, за ее свержение, за установление в России профашистского государства.

Подсудимый Власов. Со слов Зверева получается, что его втянули во всю антисоветскую деятельность, а на самом деле Зверев выдвинулся у немцев именно своей работой. Он был ярким и активным организатором и руководителем, именно он привез из Норвегии офицеров, из которых удалось создать школу. Зверев служил немцам верой и правдой.

Председательствующий. Подсудимый Меандров, подтверждаете ли вы показания, данные вами на предварительном следствии, и в чем вы признаете себя виновным?

Подсудимый Меандров. Мои показания на предварительном следствии я подтверждаю, а вина моя заключается в том, что я не оказал вооруженного сопротивления и сдался немцам, сообщил им интересовавшие их сведения, подвергал критике действия Советского правительства с целью возбуждать у слушателей антисоветское настроение и к концу мая 1942 года из меня выработался человек, ставший на путь активной борьбы с Советской властью. Я связался с Бессоновым, я вступил в трудовую партию и был даже в ее руководящей верхушке. Практически я ни на минуту не переставал заниматься антисоветской агитацией и пропагандой. Позднее я вступил в ПЦБ и был ее активным членом. В организации Бессонова преследовалась одна цель — активная борьба с Советской властью. Сначала методы борьбы не были установлены, а позднее был составлен план, в разработке которого я участвовал, я составил

антисоветскую брошюру. Одним из методов борьбы мы наметили высадку авиадесантов в глубоких тылах советской территории. Решено было начинать борьбу на севере СССР.

В составлении оперативного плана десантных операций я принимал активное участие. По плану из Петрозаводска предполагалось выбросить десантный отряд в районе Северной Двины, так называемая северная зона, куда я намечался так называемым командующим. В районе реки Оби намечалась так называемая восточная зона под командованием Киселева. Мы рассчитывали, что в этих местах нам удастся опереться на заключенных концлагерей, а также на военнопленных и с их помощью поднять восстание.

Для десантной операции было подготовлено до 150 офицеров и около 100 солдат. Основной расчет у нас был на резервы Власова. Я виновен в активной деятельности в организации Бессонова, и конкретно я готовил шпионов, диверсантов, террористов. Я написал устав военно-политической борьбы с Советской властью. Весной 1943 года организацию Бессонова слили с РОА, я возглавил остатки ПЦБ, сформировал из молодежи карательный отряд. Нас двинули в г. Остров. Здесь я написал две листовки к советским партизанам и призывал их прекратить борьбу с немцами. Я выступал с антисоветской речью на митинге, а когда обнаружилось, что наши люди стали бежать к партизанам, нас из Острова направили в Радом, где мы занимались карательной деятельностью против поляков. В лагере Бреслау я познакомился с неким Коза — руководителем национал-трудового союза «Новое поколение», вступил в эту организацию, вовлек в нее еще двух человек. А в январе 1944 года я вступил в ряды РОА. Сначала я был в инспекторате Благовещенского, а потом стал работать на курсах в Дабендорфе. Террор и диверсия были основными средствами борьбы союза «Новое поколение». В РОА я был редактором официального бюллетеня, а также заместителем Жиленкова по управлению пропаганды. Я был организатором учредительного собрания в Праге и торжественного собрания в Берлине. Я выступал во многих местах и ездил на съезд антикоммунистов пражской лиги, выступал с речью по утвержденному Власовым плану. Я состоял членом КОНРа, был начальником офицерской школы, и за мою работу немцы дали мне медаль и присвоили звание генерал-майора.

Руководимую мною офицерскую школу я постарался перевести в англо-американскую зону. Я продолжал вести свою деятельность, писал американцам о предоставлении политического приюта, в бумагах писал американцам разную клевету на Советскую власть, я пропагандировал невозвращение в СССР и был передан советским войскам принудительно. Так, от критики и сомнений через политический шантаж я пришел к политическому бандитизму.

Председательствующий. Подсудимый Корбуков, подтверждаете ли вы свои показания, и, коротко, в чем заключается ваша вина?

Подсудимый Корбуков. Показания мои полностью подтверждаю, а вина моя заключается в том, что в октябре 1942 года сдался в плен к немцам, в 1943 году вступил в РОА, окончил курсы пропагандистов, принял присягу, командовал резервной ротой, был прикомандирован к инструкторской группе Благовещенского и ездил по лагерям военнопленных. Мне принадлежит инициатива в предложении системы эксплуатации советских военнопленных. В декабре 1944 года стал офицером связи штаба РОА и в этом положении инспектировал дивизии. В апреле 1945 года перешел на сторону американцев и уже здесь был введен в состав КОНРа и активно работал над тем, чтобы сбросить кадры РОА. За свою работу получил от немцев звание полковника.

Председательствующий. Подсудимый Шатов, ответьте суду, подтверждаете ли вы свои показания и признаете ли вы себя виновным?

Подсудимый Шатов. Да, показания подтверждаю и виновным по предъявленному мне обвинению себя признаю.

Председательствующий. Какую должность в Красной Армии вы занимали до сдачи в плен к немцам, почему вы дезертировали?

Подсудимый Шатов. Был начальником артснабжения СКВО * в звании подполковника. Из Красной Армии дезертировал потому, что не верил в победу СССР над Германией, считал, что у немцев без дела не буду, и поэтому в течение месяца отсиживался в Ростове в ожидании прихода сюда немцев. Виновен я в том, что при первом же случае рассказал немцам все, что их интересовало. У немцев служил с 1942 года до капитуляции, а

* Северо-Кавказский военный округ.

потом бежал в англо-американскую зону. Вот коротко, что я хотел сказать о себе и своем преступлении.

Председательствующий. Подсудимый Меандров, вы поняли тяжесть и низость вашего преступления и, кстати, ответьте, о какой «идейности» вы говорили здесь суду?

Подсудимый Меандров. Да, я все понял, и говорить мне больше не о чем.

Председательствующий объявил состоявшееся определение суда об отклонении ходатайств подсудимого Благовещенского, заявленных им в начале судебного заседания, а также об окончании судебного следствия по делу и предоставлении последнего слова каждому из подсудимых.

Подсудимый Власов. Содеянные мной преступления велики, и ожидаю за них суровую кару. Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, правда, поздно, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару.

Подсудимый Малышкин. Хочу продолжить, на чем остановился в показаниях. Я оказался в числе злейших врагов Советской власти. Во мне не оказалось должной твердости, настоящего нутра, преданности тому делу, которому я раньше служил. Сейчас не могу объяснить, что сыграло решающую роль в преступлении, которому нет имени. Я пошел против общественного и государственного советского строя. Я дал все показания, я ничего не скрыл, я все изложил. Умирать, конечно, неохота. Но после всего, что мной сделано, как смотреть в глаза людям? Жду сурового приговора.

Подсудимый Трухин. Я изложил всю гадость, мерзость, гнусность моего падения начиная с 1941 года. Нет имени преступлениям, которые я совершил. Я сознался во всем. Я сделал бесконечно много гадостей и поэтому жду и готов вынести любой приговор.

Подсудимый Жиленков. Я совершил тягчайшее преступление перед партией и Советской Родиной, за что будет справедливым приговором суровое возмездие. Мне, как бывшему партийному работнику, позорно и стыдно быть на этой скамье и отвечать за гнусные деяния. Признаю, что я готов нести наказание, которое найдет нужным применить ко мне советское правосудие. Я делал попытки свернуть с позорного пути, но не считаю возможным ставить это в свое оправдание, ибо

они все равно не покроют моего преступления и не оправдают моей тяжелейшей вины. Если суд найдет возможным, чтобы использовать мою жизнь, то я готов загладить мою вину чем угодно и в любых условиях.

Подсудимый Мальцев. Все ясно, я не смею рассчитывать на помилование, скажу только, что до 1938 года все шло нормально, а потом началось падение. Мысль самая гнусная, обида на Советскую власть за недоверие, которое я стал ощущать после моего ареста. Я просился в армию, мне отказывали. Обидевшись на Советскую власть, я дошел до настоящего состояния. Умереть бы, но с толком — вот, что мне хотелось бы на сегодняшний день.

Подсудимый Закутный. Мои преступления безмерно велики и тяжки: я совершил их против великой партии, членом которой я являлся с 1919 года, против Советского правительства. Я еще не безнадежно потерял для своей Родины и прошу сохранить мне жизнь, дав этим возможность хотя бы частично искупить столь большую мою вину. Прошу дать мне возможность умереть честным человеком, а не врагом своего государства.

Подсудимый Благовещенский. Я признаю себя виновным в изменнической деятельности и готов принять любое наказание.

Подсудимый Буняченко. Я совершил очень большое преступление перед Родиной, став на путь измены и предательства. Тяжело в данное время вспоминать пройденный мною жизненный путь, большая часть которого была посвящена честной и творческой работе на пользу Родине, и только в 1942 году я прыгнул в самое логово зверя, в фашистское болото, и этим нанес большой вред своей Родине. Я честно рассказал о всех своих преступлениях, за которые любое наказание советского правосудия приму как должное. Но все же прошу сохранить мне жизнь, любой самый тяжелый труд для меня будет большим счастьем.

Подсудимый Зверев. По своей деятельности я являюсь гнуснейшим предателем нашей дорогой Родины. Это после того, как меня Советская власть вытащила из народа, обучила, поставила на ноги, дала хорошо жить, поставила учить других и даже больше — доверила драгоценные жизни десятков тысяч советских людей. И тем не менее я предатель. Не существует весов, чтобы измерить тяжесть моего преступления. Я опозорил честную советскую семью. Опозорил своих родителей,

честных русских людей, своих предков. Что можно ожидать после этого? Я плавал в фашистском власовском омуте и этой грязью выпачкан, вымазан. Но, граждане судьи, еще в апреле я начал от этой грязи отдаляться. Я сознавал, что ни один человек с человеческим обликом не может совершить действия, которые я совершил. Я сделал все возможное, чтобы облегчить существование советских людей на территории Германии. Я не хотел никоим образом продолжать антисоветскую деятельность. Самым большим страхом было для меня посмотреть в лицо советскому человеку. Я взвесил все мои злодеяния, продумал их и еще раз отмежевываюсь от них, от прошлого у меня ничего не осталось, я со всем порвал. Сейчас, если можно выразиться, чувствую себя чистым человеком. Прошу дать мне возможность искупить вину честным трудом. Прошу прощения у советского народа за мои злодеяния. Дайте мне возможность умереть как солдату, а если нельзя сохранить мне жизнь, то прошу приговора о расстреле.

Подсудимый Меандров. Тяжела и слишком позорна моя вина перед Родиной, и я достоин самой тяжелой кары за ту измену, которую я совершил, но все же прошу сохранить мне жизнь. Тяжко и страшно умирать изменником своей Родины. В течение 23-летнего своего пребывания в рядах Красной Армии я не имел ни одного совершенного мною антиморального проступка. Все время получал награды и поощрения. Еще раз прошу сохранить мне жизнь и дать возможность в любых условиях искупить свою вину перед Родиной.

Подсудимый Корбуков. Граждане судьи, после всех гнусных преступлений не нахожу слов в свое оправдание. Прошу учесть чистосердечность признаний и искреннее осуждение мною моих преступлений.

Подсудимый Шатов. Я простой деревенский парень и дошел до высокого поста. Я анализировал, что меня привело к подлейшим преступлениям. Трусость, идиотизм, подлость — вот истоки. Я осуждаю полностью все, что сделал. Прошу учесть, что я приехал в СССР по своему желанию, я решил сам принести свою голову, я знал, что, если враг не сдается, его уничтожают. Я рассчитывал на помилование, на честную смерть на своей Родине. Я чистосердечно рассказал все.

В 19 часов 08 минут председательствующий объявляет, что суд удаляется на совещание по вопросам приговора.

1 августа 1946 года в 2 часа 02 минуты по возвращении суда из совещательной комнаты председательствующий огласил приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по делу Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. Н., Трухина Ф. И., Благовещенского И. В., Закутного Д. Е., Мальцева В. И., Буняченко С. К., Зверева Г. А., Меандрова М. А., Корбукова В. Д. и Шатова Н. С.

В 2 часа 24 минуты председательствующий объявил судебное заседание по данному делу закрытым.

* * *

Я собирался на все вопросы моих читателей ответить только языком документов. И все же отважусь высказать и свою точку зрения, которая укрепилась в ходе работы с документами. Явление власовцев неоднозначно: среди них были низкие предатели своего народа — каины, которым не может быть прощения; были и заблуждающиеся, и искренне одержимые идеей противостояния сталинскому режиму. Зло порождает еще большее зло — это истина. Но мы должны понять одно: нет ничего страшнее и преступнее братоубийства — тем более в союзе с фашистами, — которое не оправдать никакими идеями.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
РОА — только факты	11
Власовцы в планах Гитлера	22
Суд	36

ИБ № 7175

Александр Николаевич Колесник

РОА — ВЛАСОВСКАЯ АРМИЯ

Редактор **Л. Калюжная**

Технический редактор **Н. Теплянова**

Корректоры **Е. Самолетова, Т. Пескова**

Сдано в набор 25.04.90. Подписано в печать 20.08.90. А02282.
Формат 84×108/32. Бумага типографская. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 4,2. Учетно-изд. л. 5,48. Тираж 300 000 экз. Цена 4 руб. Заказ 0-2629.

Набрано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

Отпечатано в типографии издательства «Социалистическая Харьковщина». Харьков, Московский проспект, 247.

ISBN 5-235-01555-X

4 руб.

**Александр
Колесник**

РОА—

**ВЛАСОВСКАЯ
АРМИЯ**

